

18+

Она пыталась исцелить его.

Он забрал ее сердце.

Индигго

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Л.ДЖ.ШЭН

Freedom. Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн

Л. Дж. Шэн

Индиго

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Шэн Л.

Индиго / Л. Шэн — «Эксмо», 2018 — (Freedom. Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн)

ISBN 978-5-04-111221-9

Я так боялась потерять себя рядом с ним. Но в итоге добровольно отдала свою душу. Ему нужна была та, которая сможет держать все под контролем. Я стала идеальным вариантом. Ответственная. Веселая. Заботливая. Меня выбрали специально для него. Но я понимала, к чему это приведет. Алекс. Британская рок-звезда. Сердцеед с пленительным взглядом. Но мне было все равно, я не слушала свой разум и подписала контракт на мировое турне. Меня зовут Индиго Беллами, и я отдала свою душу этому татуированному богу. Однако моей души оказалось недостаточно, и Алекс забрал мое сердце. А в конце концов заполучил меня всю.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-111221-9

© Шэн Л., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	20
Глава четвертая	26
Глава пятая	35
Глава шестая	40
Глава седьмая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Л. Шэн Индиго

L. J. Shen
Midnight Blue

© 2018 by L. J. Shen. All rights reserved
© Крестьянинова К., перевод на русский язык, 2020
© Сибуль Е., перевод на русский язык, 2020
© Онищук А., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Плейлист:

«Gimme Shelter» – The Rolling Stones
«Daddy Issues» – The Neighborhood
«Love Song» – The Cure
«Young God» – Halsey
«An Honest Mistake» – The Bravery
«Cigarette Daydreams» – Cage the Elephant
«One» – U2
«Shake the Disease» – Depeche Mode
«What You Know» – Two Doors Cinema Club
«Do Re Mi» – Blackbear
«April» – Deep Purple
«London Calling» – The Clash
«Handsome Devil» – The Smiths
«Brianstorm» – Arctic Monkeys

Как твоя душа чувствует себя сегодня?

*У меня есть тайна. Она очень проста: лишь сердце знает правду.
Самые важные вещи невозможно увидеть глазами.
Антуан де Сент-Экзюпери, «Маленький принц»*

Посвящается Аманде Садерлэнд и Лин Таэль Коэн

Пролог

Очередной скандал с участием Алекса Уинслоу: арест за вождение в нетрезвом виде и за хранение наркотиков

Бет Стивенсон, *The Daily Gossip*

Во вторник ночью британский певец Алекс Уинслоу был в очередной раз задержан за вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, а также за хранение наркотиков. Двадцатисемилетний артист был освобожден из калифорнийского полицейского участка в Лост Хилл после ночи заключения, в течение которой, как сообщает источник, Алекс раскачивался на прутьях решетки камеры. После чего написал на стене слова своей песни «Дикий рай» синим маркером «Шарпи», который ему дала очарованная певцом служащая участка (им же он оставил автограф на ее груди).

Пойманный с тремя граммами наркотических веществ в бардачке своего небесно-голубого винтажного «Кадиллака», Уинслоу, снискавший славу сердцееда, также обвиняется в попытке с помощью грязных сексуальных намеков избежать наказания, когда несколькими часами ранее его остановили на Тихоокеанском шоссе. В руках он держал почти пустую бутылку из-под виски.

Судя по всему, двенадцатикратный обладатель «Грэмми» одарил улыбкой на миллион долларов остановившую его сорокатрехлетнюю женщину-офицера, по совместительству мать троих детей, и сказал:

– Ты реально хочешь заковать меня в браслеты, крошка? А я-то думал, что сегодня мой черед надеть на кого-нибудь наручники.

Восемь недель назад исполнитель песни «Человек встречается с Луной» уже был арестован – тогда он избил Стивена Дэлтона, владельца сайта «Просто Стивен», и украл статуэтку «Грэмми». Уинслоу выскочил на сцену во время благодарственной речи, когда британский певец Уильям Бушелл получал награду в номинации «Лучший альбом». Алекс вырвал приз из рук коллеги по цеху, закурил сигарету и разразился длинной тирадой:

«Ну что, весело вам? Поднимите руки те, кто правда голосовал за этого придурка, не получив взятку в виде бесплатной дочки. Давайте. Ну же. Подрочишь и мне, Бушелл? Весь альбом похож на музыку из «Макдональдса». Без обид, «Макдональдс», а не Бушелл. Ни одного интересного трека за весь альбом! По правде сказать, если бы муза творчества встретилась с этим парнем в темном переулке, она бы убежала с криками о помощи. Вот это я забираю домой. Не очень-то приятно, когда кто-то отнимает то, что по праву принадлежит тебе, да, приятель? Поплачь в ладошки. Такова жизнь, и этот урок преподал мне ты».

Близкие друзья Бушелл и Уинслоу, некогда делившие одну комнатуху в Лондоне, перестали общаться два года назад из-за модели и светской львицы Фэллон Лэнкфорд. Отныне они заклятые враги. Вражда британцев непрерывно обсуждается в прессе. Поговаривают, что последний альбом Уинслоу «Отсоси», который недолго занимал лишь девятую строчку Billboard, а затем и вовсе покинул чарт, стал худшим в карьере музыканта, доведя тем самым его создателя до алкоголизма и наркозависимости.

Вскоре после ареста Уинслоу «Просто Стивен» опубликовал статью «Алекс Уинслоу: конец эпохи». Полагают, что мистер Дэлтон подал в суд на Уинслоу. Он спросил музыканта о новом возлюбленном Фэллон Лэнкфорд, Уилле Бушелле, и певец ударил Стивена по лицу.

Через несколько часов после освобождения из-под стражи агент Уинслоу Дженна Холден, давно работающая со звездой, принесла извинения от его имени:

«Алекс Уинслоу глубоко сожалеет о поступках, которые он совершил. Он хотел бы попросить прощения у офицера, которая его арестовала, ее мужа и детей, а также у местной церкви, в которой женщина работает волонтером. Уинслоу признает свое неконтролируемое поведение и считает, что так больше не может продолжаться. Алекс Уинслоу принял решение отправиться в реабилитационный центр в штат Невада ради тех, кто его любит: ради своих фанатов и себя самого. Мы просим вас уважать его личную жизнь в это непростое время, пока он сражается со своими демонами.»

Бывший пиар-менеджер Уинслоу, Бенедикт Кауэн, чьи пути с певцом разошлись после выходки музыканта на «Грэмми», комментировать заявление не стал.

Комментарии (1,937)

xxLaurenxx

Он слетел с катушек. Но все еще чертовски горяч.

Pixie_girl

Чувак, музыка из «Макдональдса»? Не борщи. Последний альбом Уинслоу был настолько плох, что у меня еще две недели кровь из ушей шла.

Cody1984

#ОставьтеАлексаВПокое

(шучу, он засунет палец в розетку или что-то в этом духе, если мы за ним не присмотрим.)

James2938

Типичный социопат. Это же видно по его работам.

BellaChikeYass

Я согласна с этим... Но он мне все равно нравится.~)

xxLaurenxx

Мне тоже! Lol

Pixie_girl

Жаль, но я третья.

James2938

Это хорошо, потому что он не тот, кто предложит тебе больше, чем перепих. Он козел. В ПРЯМОМ СМЫСЛЕ.

Глава первая

Инди

Шесть месяцев спустя

Топ. Топ. Топ, топ, топ, топ, топ

Подошвы моих туфель отбивали чечетку по гранитному полу. Мне пришлось положить руки на бедра, чтобы хоть как-то унять дрожь в ногах, которые вторили моему неугомонному, глупому сердцу.

Заткнись, сердце.

Расслабься.

Перестань нервничать.

Нет причин для паники. Даже малюсенькой. Вообще никакой.

Я хочу получить работу.

Я подняла голову, одарив женщину, сидевшую напротив меня, самой жизнерадостной улыбкой.

– Когда мы разместили объявление о вакансии личного помощника, мы, скажем так, в некотором роде, как бы это сказать... *соврали*.

Закрыв крышку своего серебристого «Макбука», она положила на него тонкие пальцы с идеальным маникюром, на которых красовалось шикарное кольцо. Наверняка оно стоило столько, что продав его можно было бы купить большую часть домов в моем новом перспективном районе.

В горле пересохло, и я одернула свою юбку-карандаш. Она даже не моя. Это юбка Наташи, жены моего брата, и велика мне на пару размеров. Я только что вернулась с работы из кафе, где не требуется униформа, так что пришлось импровизировать. Я скрестила лодыжки под стулом, скрыв от собеседницы мои серебристые оксфорды – намек на индивидуальность, которую я забыла утаить.

Все в офисе этой женщины буквально кричало об ее успешности. Белый блестящий стол, кожаные кресла цвета алебаstra, даже бронзовая люстра, стекающая с потолка как жидкое золото. Надпись «Hollywood» была видна из панорамных окон во всем многообещающем рушащем надежды великолепии. Так близко, что можно разглядеть грязь на белых буквах. Рабочее место размером с бальную залу. Ни капли яркого цвета или личных вещей, и это не случайно.

Дженна Холден. Успешный агент ярчайших голливудских звезд. Владелица «JNE Group». У нее не было времени переходить на личности. Уж точно не с кем-то вроде меня.

– Вам не нужен личный помощник?

Сияющая улыбка исчезла с моего лица. Мне нужна эта работа так же сильно, как нестерпимо Марку Уолбергу нужно было продемонстрировать свое хозяйство в фильме «Ночь в стиле буги». Очень, *очень* нужна. На заметку: я живу со своим братом, его женой и их ребенком. И как бы сильно они меня ни любили, уверена, они были бы рады не делить свою однокомнатную квартиру с двадцатиднолетней неряхой – любительницей авангарда. Единственное мое средство передвижения – велосипед, что в Лос-Анджелесе равносильно езде на мертвой черепахе.

– Я ищу... *кое-кого*. – Дженна опустила подбородок, приподняв тонко выщипанные брови. – И в должности действительно есть обязанности ассистента.

Мое терпение могло лопнуть в любую минуту. Я была голодна, умирала от жажды и отчаянно нуждалась в работе. *Любой работе*. Летом мне не везло – все приличные места были заняты прыщавыми подростками. Уже в третий раз за месяц я пришла сюда в поисках вакансии. Сначала я встретила с девушкой из отдела кадров, которую пришлось ждать сорок минут, потому что ее мастер педикюра задержался. Затем секретарь Дженны допрашивала

меня, словно я только что вернулась из тренировочного лагеря боевиков. И, наконец, я встрети­лась с мегаагентом лично, чтобы узнать, что все это... зря?

– Скажи мне, Индиго, насколько внимательно ты читала объявление?

Дженна облокотилась на спинку кресла и сцепила пальцы. На ней была накрахмаленная рубашка на пуговицах, заправленная в черные бархатные брюки. На лице женщины появилась самодовольная улыбка. Ее волосы цвета шампанского были собраны в очень тугий пучок, и мне становилось дурно от одного вида того, как натянута кожа у корней.

– Достаточно внимательно, чтобы выучить его наизусть.

– В самом деле? Что ж, тогда я слушаю.

Мои ноздри раздувались. Перед тем как уйти, собрав сумку (а вместе с ней и остатки чувства собственного достоинства), я все же решила ей ответить.

– *Вакансия: личный помощник. Требования к кандидату: гибкость, ответственность, терпение, стрессоустойчивость. Без вредных привычек (никакого алкоголя или НАРКОТИКОВ), интерес к искусству и активная жизненная позиция приветствуются. Если вы разбираетесь в трендах, внимательны к деталям и не возражаете против сверхурочных и ночных смен, то вы нам подходите. *Потребуется договор о неразглашении, а также справка об отсутствии судимости.*

Я пододвинула к ней свое резюме и указала на него пальцем.

– Это я. Кроме актуальных трендов. У меня от них голова болит. А теперь ответьте мне, зачем я здесь?

– Я ищу спасительницу. Няню. Друга. Ты – самый идеальный вариант из всех, но, откровенно говоря, процесс напоминает пересадку органа. Мы не узнаем, подходишь ли ты, пока мы не встретимся лично.

Я моргнула, уставившись на Дженну, словно она – мифическое существо. Если это шутка, считайте, что я потеряла свое чувство юмора.

Женщина встала и начала ходить по комнате, сцепив руки за спиной.

– У меня есть клиент. Нет. *КЛИЕНТ*. Одна из самых обсуждаемых персон десятилетия. Недавно он вымазался в дерьме, и сейчас ему нужно очистить свое имя. Наркотики, женщины, эго размером с Китай и еще куча проблем – он страдает от всего этого. Твоя работа будет заключаться не в бронировании билетов или варке кофе. У него уже есть люди, занимающиеся этим. Ты будешь сопровождать его на гастролях. Тебе нужно поддерживать его эмоционально. Вдобавок следить за тем, чтобы он не употреблял наркотики за кулисами, не гулял всю ночь и не срывал концерты. Если он начнет спорить с журналистами или папарацци, тебе придется брать его за руку и уводить. В целом, твоя задача заключается в том, чтобы он был жив и здоров ближайшие три месяца. Справишься?

Ее слова показались такими искренними и пронзительными, что вонзились в мою кожу как зубы.

Спасительница. Няня. Друг.

– Это... огромная ответственность. Звучит так, словно у кого-то большие неприятности.

– Неприятности – его второе имя, частичка его шарма и причина того, почему я таскаю успокоительное в своей сумочке. – Дженна грустно улыбнулась.

Слишком много информации. Слишком много.

– Если он не готов к туру, зачем собирается ехать?

– Шесть месяцев назад по личным причинам ему пришлось отказаться от выступлений. Если это повторится сейчас, он будет вынужден заплатить продюсерам неустойку в тридцать миллионов долларов. Страховку не выплатят, учитывая, что причиной лечения стала его наркозависимость. Ведь он употреблял столько дури, что из нее можно было бы испечь пятиуровневый свадебный торт.

Пожевывая нижнюю губу, я отбивала оксфордами ритм на сияющем полу. Дженна остановилась напротив меня. Ее тонкий золотой пояс от «Prada» сверкал как лучи заходящего солнца.

– Три месяца в дороге. Личный самолет. Лучшие отели мира. Если каким-то образом ты хочешь сохранить свою честь, оставаясь в этом городе, советую отказаться. Но если у тебя иммунитет к нападкам и страсть к приключениям, знай – эта работа изменит состояние твоего банковского счета, твой путь и твою жизнь.

Говорила она серьезно. Несколько взволнованно. Каждое слово звучало весомо и давило мне на грудь.

– Ты подпишешь договор о неразглашении информации. Все, что увидишь, ты унесешь с собой в могилу. И тебе заплатят бешеные деньги.

Бешеные деньги? Кто так говорит? Люди из шоу-бизнеса Лос-Анджелеса, вот кто.

– Бешеные деньги? – переспросила я.

– Сто тысяч долларов за каждый месяц работы.

Тук.

Тук.

Тук.

Три удара сердца я пропустила, прежде чем снова сделать вдох.

Я слышала, как смеются сотрудники офиса где-то у торгового автомата. Принтер выплевывал бумагу. Ложка стучала о кружку. Я жевала губы, как делала всегда, когда нервничала, и почувствовала металлический привкус крови.

Триста тысяч долларов.

Три месяца.

Конец финансовым проблемам.

– Кто он? – подняв голову, спросила я хриплым голосом. Имело ли это значение? По большому счету – нет. Да будь он хоть самым Люцифером, я все равно составила бы ему компанию по пути в ад. Долги Наташи и Крэга росли как снежный ком. Зигги нужны были ушные шунты – каждую зиму мой племянник плакал и кричал, пока не проваливался в сон. Нам приходилось надевать носки на его кулачки, чтобы он не расчесывал ушки до крови. Мы даже не могли позволить себе купить ему новую кровать, из-за чего его пухлые ножки постоянно застревали между прутьями колыбельки. Над этим предложением даже думать грешно. Кончено, придется расстаться с близкими мне людьми, но даже такой исход доставил бы большое облегчение. Сейчас мой брат – не тот человек, с которым хочется проводить время.

К тому же я присматривала за двухлетним Зигги с момента его рождения. А ведь этот человек предположительно был гораздо старше. Будет ли мне тяжело?

– Это Алекс Уинслоу, – произнесла Дженна.

Такой ответ определенно находился на грани фантастики.

Уинслоу – знаменитость. Его песни звучали на каждой радиоволне, будто он – единственный на всей планете, кто может петь. Но что меня действительно беспокоило, так это надменность музыканта. Алекс Уинслоу смотрит сквозь людей, воображая себя олимпийским чемпионом, желающим порадовать Ее Величество. И это одна из причин, по которой он рассорился с каждой живой душой в Голливуде. Это известно всем, даже тем, кто, как я, бежит от сплетен как от чумы. Куда бы он ни отправился, по его пятам всегда следуют репортеры и возбужденные фанатки. Меня обольют грязью в ту же минуту, как только заметят. Папарацци разве что только в ванную к нему не залезли. Однажды я прочла в журнале, пока ждала приема у стоматолога, что какой-то девушке пришлось удалить свою страничку в «Инстаграм» после вечеринки с Уинслоу, потому что в даркнете назначил награду за... ее голову. Двадцать тысяч долларов собрали на прогнозах даты ее смерти – *«выполнять ваши предположения совсем не обязательно»*, – говорили они.

Ну и напоследок: Уинслоу был из тех голливудских звезд, у кого всегда возникали проблемы с законом. Не так давно он был арестован за вождение в пьяном виде, а я ненавидела, презирала, отрицала наркотики и алкоголь. Все это означало, что наша «пересадка органа», как выразилась Дженна, может закончиться двумя жертвами и полным крахом.

Выдохнув, я закрыла лицо ладонями.

– Хорошо бы как-то отреагировать, – Дженна поджала вишнево-красные губы.

Я откашлялась и выпрямила спину.

Пришло время подтянуть трусишки и быть уверенной, что они останутся сухими в ближайшие три месяца, несмотря на то что он выглядит как сексуальнейший брат Шона О'Прайя¹.

– Обещаю, он будет цел и невредим, мисс Холден.

– Хорошо. О, чуть не забыла сказать для очистки совести: не влюбляйся в этого парня. Он не принц на белом коне. – Дженна махнула рукой, взяла телефон, и нажала кнопку вызова.

– Сделаю все возможное. – Я сжала челюсти, подавив смешок. Алекс Уинслоу прекрасен, как шторм – только если смотришь с безопасного расстояния. У него тоже достаточно сил, чтобы смести и уничтожить тебя, а у меня не было времени думать об этом.

– Если твоих стараний будет достаточно, тогда ты справишься. Попрошу секретаря распечатать документы. Есть вопросы? – Она дала несколько указаний помощнику и направилась к двери.

– Когда мы выезжаем в турне? – Я повернулась через плечо, впиваясь ногтями в подлокотник.

– В среду.

– Это через два дня.

– Хорошо считаешь, – усмехнулась она. – Неожиданный плюс. Схожу за документами. Турне называется «Письма Покойника», оно должно реанимировать его карьеру. Сейчас вернусь.

Я вспомнила эту песню. Она стала саундтреком моего выпускного класса, когда все казалось бесповоротно неправильным.

Любовь – это просто обман,
Прости, что я такой ублюдок,
Но ты как тысяча Нирван,
К которым я совсем не чуток.

Когда за Дженной закрылась дверь, я повернулась и смахнула голубую прядь с лица. Я еле сдерживалась, чтобы не захохотать.

Я получу триста тысяч долларов и проведу три месяца с величайшей мировой рок-звездой. Я подняла взгляд и поймала озорной солнечный зайчик от люстры.

Чем не добрый знак?

¹ Американский манекенщик.

Глава вторая

Алекс

Моя душа умирала.

И это не метафора.

Она вытекала из меня с последними надеждами и мечтами на липкий пол, запачканный пеплом сигарет и следами смазки. Мобильный телефон издал звук входящего сообщения, заставляя меня оторвать взгляд от потолка.

Неизвестный номер

Привет, Алекс!

Я

Фото задницы / сисек / лица.

Неизвестный номер

???

Я

У тебя есть мой номер, значит, тот, кто тебе его дал, сказал, что я не стану общаться, пока не увижу твои прелести.

Неизвестный номер

Это Эльза из клуба «Брентвуд». У тебя сегодня благотворительное выступление для сбора средств в помощь детям-аутистам. Я написала тебе лично, чтобы выразить свою благодарность...

Я собирался выступить сегодня вечером бесплатно. С чего бы это? В большинстве случаев я отказывался от выступлений даже за деньги. Фактически я уже давно таким дерьмом не занимался. Вообще.

К черту моего менеджера Блэйка и моего агента Дженну. И к черту мою жизнь, которая швыряет меня из стороны в сторону, заставляя покидать комнату, мое убежище, личное пространство. И гребаную Эльзу, которая теперь знает все пятьдесят оттенков моей тупости.

– Эй, Вэйтроуз. Новенькое благотворительное дело. – Я швырнул телефон в Лукаса, который со вздохом поймал его на лету. Формально Лукас наш барабанщик, так что прикрывать мой зад не входило в его обязанности. Но Лукас, прозванный Вэйтроузом в честь сети модных супермаркетов, покупки в которых он мог себе позволить, умел общаться с «костюмчиками». Я же их ненавидел. Избегал их. Потому что, когда ты рок-звезда и зарабатываешь кучу денег, все хотят ухватить свой кусок пирога. Пирога, который испек *ты*. И купил ингредиенты на свои собственные деньги. «Костюмчикам» было наплевать на меня, когда я сидел изо дня в день у входа на станцию метро «Кингс-Кросс» с Таней, моей акустической гитарой, играл, просил подаяния, и всучивал демки в руки людей лишь для того, чтобы увидеть, как они выкидывают их в ближайшую урну. Никого из них не было, когда я, стоя под проливным дождем, стучался в двери, умолял о ночлеге в метель, торговался и спорил, чтобы меня услышали. Их не было рядом, когда я слышал только «Отстой!» в Гластонбери, три года играя на разогреве у групп познаменитее, или когда почти пустую банку пива кидали мне под ноги ради веселья, или когда

какую-то пьяную девчонку рвало на мои единственные ботинки, а она пыталась мне сказать, что я пою, как дешевая подделка Моррисси².

Никого не было, когда я продал свою душу одному из таких «костюмчиков», который посчитал меня действительно талантливым. Но вот ему нужны были такие песни – *«легкие, быстрые, запоминающиеся, с огоньком!»*, и я дал ему это. Говорил же, моя душа умирает. Или просто принадлежит другим. В обоих случаях мне нужна новая. К несчастью, даже отдав все свои деньги, мне ее не купить.

Я ненавидел всех, с кем работал. Записывающие компании, исполнителей, продюсеров, PR-менеджеров, маркетологов, большие корпорации, использующие меня как своего представителя, и вообще каждую дрянь, которая когда-либо просила о сотрудничестве, думая, что жизненно важна для звезды Алекса Уинслоу. Экстренное сообщение: я *был* звездой.

Я собирал все по крупицам.

Создал себя.

Собирался пожинать плоды трудов своих.

Все. До единого. *Сам*.

Мое нежелание делиться среди прочего добавляло мне репутацию придурка. Сказать, что мне плевать, значит не сказать ничего. Таблоиды не были мне друзьями, и день, когда я попрошу папарацци сфотографировать меня, будет днем, когда ад покроется коркой льда, а Кэти Перри выпустит приличную песню. Три года подряд за меня все еще голосовали как за «Самого приветливого со своими фанатами», и это было искренне, реально, *правдиво*. Я любил своих поклонников. Больше, чем я любил деньги, славу или кисок, которые пришли в мою жизнь вместе с ними.

– *Чувак*. Не могу поверить, что ты хотел заняться секстингом с пятидесятилетней председательницей благотворительной организации. У тебя совсем стыда нет? – Лукас толкнул меня в плечо ногой, его пальцы уже печатали извинения от моего имени. Даже не знаю почему. Мне показалось, что в этой ситуации столько же здравого смысла, сколько в войне в Сербии. Вэйт-роуз ворчал, но все равно разгребал за мной дерьмо. Отчасти именно поэтому я и платил ему.

Он мне не нравился. Я едва его выносил после случившегося два года назад.

Мы развалились на моем рыжевато-каштановом бархатном диване. Я говорю «моим», но на самом деле он принадлежит Шато Мармон³. В Лос-Анджелесе я всегда останавливаюсь в апартаментах, оформленных в деревенском стиле. Что обычно составляет семь месяцев в году, но я не могу назвать это место домом. Лос-Анджелес похож на второсортную проститутку. Она всем дает, выглядит так себе, а однажды переспав с ней, понимаешь, что до тебя там побывало много парней и все оставили после себя кучу дерьма. Добавь к этому кучи мусора и белозубых старлетов, которые хотят оседлать тебя – твой член, репутацию или черную карточку American Express⁴. А что получишь ты? Мое собственное определение ада.

Я закурил еще одну сигарету и стал переключать каналы. Реалити-шоу. Кулинарное шоу. Шоу визажистов. Звездные сплетни. Группа людей отремонтировала дом и плачет из-за этого. Девчонка с фальшивым загаром устроила истерику из-за того, что свадебные приглашения оказались не того оттенка розового. Я швырнул пульт через всю комнату. Он попал прямо в плоский экран, на котором тут же появилась паутинка из трещин. Никто и глазом не моргнул.

Элфи, мой бас-гитарист, пернул, а затем сказал:

– Хочу почесать задницу, но я слишком устал.

² Британский музыкант и поэт, основатель и вокалист британской инди-рок-группы The Smiths, существовавшей с 1982 по 1987 год.

³ Отель, расположенный в Западном Голливуде на бульваре Сансет. Является любимым местом пребывания звезд и имеет дурную славу.

⁴ Самая эксклюзивная и дорогая пластиковая карта, дающая своему владельцу широкий спектр привилегий.

– Хочу секса, но я слишком устал, чтобы спуститься в бар отеля, – подхватил Блэйк. Он лгал. Ему нравилась только одна девушка, но как раз она оказалась *не той*, кто ему нужен.

– Уверен, Лукас не откажется. Трахаться – это его национальный вид спорта. – Элфи хрюкнул, за что получил от Блэйка по уху.

С чего это они так обессилели? Не имею понятия. Мы спали так много, как будто хотели отоспаться на всю жизнь вперед. Каждую свободную минуту. Каждый день. Следующие три месяца обещали быть изматывающими.

Я схватил телефон, ведь Лукас уже успешно потушил очередной созданный мною пожар и пролистал список контактов. Дюжина постоянных номеров в Лос-Анджелесе, но я не желаю звонить им, вести на ужин в дорогой ресторан. В этом-то проблема. Все они в какой-то степени имеют отношение к знаменитостям, и все хотят, чтобы я вошел с ними рука об руку в The Grove⁵ или ласково потрепал за щеку в The Ivy⁶. К несчастью, я лучше суну свой член в приоткрытую консервную банку, чем исполню их мечты, которые сделают мою сексуальную жизнь такой же увлекательной, как окрашенная в бежевый стена. Я не сплю с фанатками – слишком их уважаю, и не завожу постоянных отношений – у меня бывшая из преисподней, но об этом позже. Все это означает, что я чаще всего прибегаю к «кискам для компромисса», как я их называю. Одинокие стюардессы, женщины слегка за тридцать, посвятившие свою жизнь карьере, сидящие в баре «Шато», и заезжие туристки, которым наплевать на то, кем я являюсь. Они не всегда одеты с иголочки, но с ними я не чувствую себя так, словно я всего-навсего пластинка, выпущенная звукозаписывающей компанией.

В дверь позвонили. Может, бог услышал мои молитвы и послал мне что-нибудь путное, например, киску, но без тела? Вот за что я бы заплатил хорошие деньги и не продал бы никому – надо записать: карманная вагина от Google. Вот *это* была бы вещь.

– Ждешь кого-то? – Элфи отхаркнул мокроту в пепельницу на кофейном столике. У него манеры, как у использованного тампона.

Я продолжил листать контакты в телефоне, игнорируя его.

– Чувак! – Лукас толкнул меня в грудь ногой, *опять*, лежа напротив меня, пользуясь барабанной палочкой, чтобы почесать спину. – Зазнался, что ли? Кто за дверью?

– Смерть с косой. Или Дженна. Что одно и то же. – Я глотнул кока-колу – напиток, не наркотик, к сожалению, продолжая листать список имен.

Фэллон.

Иди к черту, Фэллон.

Я собирался трахнуть ее. Снова. Но в этот раз поставлю на четвереньки, в наказание за содеянное – ведь она сделала тату с моим именем на лодыжке, ставшим для нее оковами. У меня огромный список всего того, что мне задолжала Фэллон Лэнкфорд, и она вернет мне все сполна, ведь глубоко внутри она все еще любит меня. Это написано у нее на лице. Лицо, которое с годами все больше подходит стандартам Голливуда: пухлые губы, аккуратный носик, длинные ресницы. Я помню девчонку, скрывающуюся за этой маской, которая была без ума от меня. Проблема в том, что больше всего на свете она мечтала о славе.

Блэйк встал и направился к двери. Выглядел он так, словно собирался на войну: каждый его мускул был напряжен. Блэйк и Дженна все время не сходились во взглядах, и я никогда не видел смысла заставлять их играть по правилам. Я услышал голоса исходящие от входной двери. Рычание, раздражение, а затем металлический смешок Дженны, собиравшейся, кажется, плюнуть в лицо. Спустя несколько секунд оба вошли внутрь, позади них был кто-то еще.

⁵ Торгово-развлекательный комплекс в центре Лос-Анджелеса с модными бутиками, ресторанами, различными услугами и развлечениями.

⁶ Ресторан на бульваре Робертсона в Лос-Анджелесе.

Девушка.

Незнакомая.

Очередная чертова нянька.

Она вошла в квартиру, свет множества ламп освещал ее лицо, и все, о чем я мог думать, это как быстро я избавлюсь от нее. Она выглядела... *нормально*. Не в моем вкусе. Дженна находила таких, которые своей внешностью не вызывали у меня жуткий стояк, но все равно были достаточно симпатичными, чтобы я был вежлив с ними. Эта же была определенно ниже среднего роста. Дюймовочка с оливковой кожей, маленькой грудью и острым носиком. Длинные волосы цвета голубого льда – если бы мне нужна была хипстерша, я бы выбрал одну из тысяч кричащих фанаток, пытающихся пробраться за кулисы. Я был не совсем уверен, что на ней надето, но счел бессмысленным верить в то, что на самом деле она заплатила за это. Винтажное оранжевое платье с расклепанными манжетами и цветочной вышивкой едва прикрывало ее острые коленки. Какого черта я знаю, что означают эти слова, спросите вы? Потому что моя бездушная задница рекламировала «Armani» и «Balmain», чтобы поддерживать свою страсть к наркоте, на фоне которой Чарли Шин⁷ показался бы просто бойскаутом.

Добро пожаловать в мой дурдом, Новенькая. С этого момента начинается ухабистая дорожка.

Я сделал еще один глоток колы и стиснул зубы. Новенькая канет в Лету через неделю максимум, как и остальные няньки до нее. Я в этом уверен. Я почти нажал на имя Фэллон – почти – но все же, хмурясь, спрятал телефон в задний карман.

Не сейчас.

Не здесь.

Не на глазах у всех этих придурков.

Дженна, первая стерва в Северной Америке, скрестила руки на груди и наградила меня таким испепеляющим взглядом, что чуть не подожгла все вокруг.

– Привет, Ал. Продолжишь просиживать диван и пердеть или поздороваяешься с новой сотрудницей?

Я уважал Дженну. Она была единственной среди «костюмчиков», кто не спрашивал о сексуальных предпочтениях, не просил позировать для фото или не требовал пони на день рождения. Вот первая причина, почему я согласился на предложение о няньке во время турне «Письма Покойника». Предполагалось, что эта должность была занята два месяца назад, когда я покинул реабилитационный центр, но для начала мне, конечно же, пришлось заставить девять других няnek сбежать в слезах. А одна даже переехала в другой штат, чтобы нас разделяло расстояние побольше. Я надеялся, что к восьмой няне Дженна бросит эту затею, но она не сдавалась.

Дело в том, что я тот еще упрямец.

Я неохотно оторвал свою задницу от дивана и поковылял в сторону гостей.

– Для справки, – я затащился сигаретой, выдыхая дым из ноздрей, как разъяренный бык, – Элфи в ответе за сомнительный аромат. Он не может без мексиканской кухни, когда приезжает в Лос-Анджелес.

– Чувак, ты прав. Не могу без нее. – Элфи загоготал с дивана, дополнив предложение отрыжкой. «Тако за мир во всем мире! Я должен основать некоммерческую организацию».

Я протянул новенькой руку. Мой рост – метр восемьдесят. Она – примерно метр пятьдесят. Можно сказать, она мне до пупка, что очень удобно, если бы я хотел заняться с ней сексом. Она подняла голову и встретила со мной взглядом. Ее глаза, в отличие от волос, были темно-синими. И дикими. Глубокими, как хорошо звучащий аккорд.

⁷ Американский актер, сценарист, младший сын актера Мартина Шина. Известен своими многочисленными скандалами в личной и общественной жизни, в том числе из-за злоупотребления наркотиками и алкоголем.

Не совсем скучная. Отлично, крошка.

– Алекс Уинслоу.

– Инди Беллами.

– Тебя зовут Инди? – Я оценил ее с ног до головы. Ее маленькая потная ладошка пыталась пожать мою большую и холодную.

– Индиго. Как цвет.

– От этого лучше не становится, – усмехнулся я. Фактически потеряв к ней интерес, я выпустил дым в открытое окно и облокотился о стену, пытаясь вспомнить, о чем хотел спросить Дженну. Что-то про рекламу, в которой я снимался в середине года. «Versace»? «Pepsi»? Разницы никакой.

– Рада это слышать. Я с нетерпением ждала твоего мнения о моем имени, – сказала Инди. Она все еще была здесь.

Она здесь, и она ответила мне.

Какого хрена?

Дженна пошевелилась где-то на втором плане, доставая телефон из сумочки от «Hermes» и просовывая его между нами.

– Вы двое пока узнайте друг друга получше, только чур оставаться в одежде. Мне нужно позвонить. Скоро вернусь. – Ее каблуки противно стучали по полу на всем пути до террасы.

Индиго смотрела на меня отнюдь не как щенок. Я взглянул на нее в ответ, ведь я засранец и игра в гляделки – моя сильная сторона, наряду с сексуальными домогательствами по смс к пожилой женщине, занимающейся благотворительностью.

– Привет. – Я наклонился и коснулся губами уха новенькой. Она не шелохнулась, хотя большинство няnek вздрагивали от этого. Случившееся застало меня врасплох, но не настолько, чтобы я отказался от своей затеи. – Хочешь узнать секрет?

Новенькая не ответила, и я принял ее молчание как знак согласия.

– Я писаюсь в кровать. Каждую. Ночь. Но из-за того, что я нервничаю по поводу турне и все такое, я писаю повсюду. Иногда моча смешивается с соками прошлой девушки, которую я трахал. Я всегда прошу своих помощников заправлять мою кровать, потому что, в отличие от персонала отеля, они подписывают документы о неразглашении. Думаешь, ты справишься, малышка?

Я отстранился, чтобы взглянуть на ее лицо. Именно в этот момент у других няnek появлялись слезы на глазах, приоткрывался рот, они бледнели. Но не эта. Нет. Улыбка новенькой сияла ярче солнца, словно диабетика второго типа разрешили съесть сладенького.

– Мистер Уинслоу, я с радостью куплю вам подгузники для взрослых. Вообще, я думаю, они прекрасно подойдут вам, учитывая ваше поведение.

Где Дженна нашла эту девчонку и как я смогу отправить ее обратно в ад или откуда там ее принесло, прежде чем мы сядем в самолет в среду? Я ухмыльнулся, все еще опираясь о стену, и провел пальцами по волосам.

– Ты хоть представляешь, во что ввязываешься? – я перестал прикалываться. Игра закончилась в тот момент, когда она стала дерзкой.

– Разумеется. – Она шагнула вперед. – Я пытаюсь поправить свое финансовое состояние, а это значит, что твои выходки со мной не прокатят. Мне нужны деньги. Я переживу эти три месяца и не дам себе сорваться несмотря ни на что.

– Ты же не знаешь, что значит «несмотря ни на что». На твоем месте я бы не стал давать таких обещаний.

Ее глаза сверкнули, а я начал терять терпение.

– Но вот она я, и я своему слову хозяйка. Подайте на меня за это в суд, мистер Уинслоу.

Не играй со мной, девочка.

Я шагнул к ней, сведя к минимуму расстояние между нами, и теперь ее маленькая грудь была на уровне моего желудка. В ее глазах горел огонь, и его хватило бы, чтобы от отеля осталась лишь горстка пепла. Я еле сдерживался, чтобы не скинуть ее с балкона собственными руками, когда святой Лукас в исполнении Вэйттроуза появился из-за моего плеча, протянув к ней руку, чем спас девочке жизнь.

– Лукас Рафферти. Барабанщик. – Он одарил ее своей супермощной улыбкой милого брата Брэда Питта. Ее настороженное выражение лица сменилось радушием, и она высвободила свою руку из моей, протянув Лукасу. Только тогда я заметил, что мы пожимали друг другу руки три минуты. Итак, новенькая тоже была крепким орешком.

Умница, Дженна. К Рождеству ты получишь кучу дерьма и скандал в желтой прессе.

– Инди.

– Родители хиппари? – Мягкий смех Вэйттроуза наверняка превратил ее внутренности в маршмеллоу. Лукас мог очаровать кого угодно, и хотя его любовная жизнь оставалась тайной, женщины вешались на него постоянно. Ирония заключалась в том, что он их не заслуживал.

Она пожала плечами.

– Чисто символически. Они называли меня так из-за цвета глаз.

Румянец окрасил ее шею, подобрался к щекам и остановился у волос, как корона. Я покачал головой и подошел к обеденному столу, прислонившись к нему бедром и засунув горсть крекеров в рот.

– Цвет глаз у ребенка может меняться до четырех лет, – заметил Лукас у меня за спиной.

Они собирались выиграть награду за самый скучный разговор в мире? Я бы точно за них проголосовал.

– Полагаю, им нравилось рисковать. – Ее хрипловатый смех наполнил комнату.

– Нравилось?

– Они умерли. – Пауза. – Автокатастрофа.

– Жаль это слышать. – Его шикарный акцент прозвенел в моих ушах и снова разозлил меня.

Он сочувствовал. Я не был особенно счастлив узнать, что новенькая тоже сирота. Но дело в том, что Лукас *действительно* переживал за нее как ребенок, которого еще не потрепала жизнь. Он был самым отвратительно серьезным человеком, которого я когда-либо встречал. Насколько я знаю, я был единственным человеком в мире, которого он поимел. Что, как можно заметить, многое говорило о моем уровне паршивости или способности сопереживать. Или ее отсутствии.

Дженна вернулась с террасы и убрала телефон в сумочку. По ее улыбке можно было понять, что она выкинет мою жалкую задницу на ближайшую обочину, если я откажусь принять новенькую. Были и другие агенты, известные и могущественные вроде нее, но только Дженна смогла вытащить меня из тюрьмы в три часа ночи, когда я решил сыграть в одностороннюю «игру в труса»⁸ в полицейской патрульной машине на Тихоокеанском шоссе и закончил ночь, тегая грудь надзирательницы. Я не мог рассчитывать, что мой барабанщик, менеджер или бас-гитарист будут подтирать за мной дерьмо, а уж тем более на их поддержку, когда я облажаюсь. Я любил друзей, как любят домашнего питомца: неистово, без надежды на взаимность. Моя семья... это отдельная история, в которую я не хочу углубляться.

– Привет, – сказала Дженна.

Я кивнул.

– Она разговаривает, – я указал подбородком на девушку.

⁸ Игра, в которой два игрока осуществляют какое-либо опасное действие, ведущее к негативному исходу, и проигравшим считается тот, кто первым прекратит осуществлять это действие.

– Прошлая не говорила и не продержалась четырех дней на должности. Нужно попробовать что-то новое. – Мой агент пожала плечами, а я затынулся в миллионный раз за день, игнорируя ее и всю вселенную. Этим я любил заниматься, покинув реабилитационный центр, больше всего.

– Можно тебе что-то сказать? – Дженна снова нанесла на губы кроваво-красную помаду, взглянув в карманное зеркальце, которое держала у лица.

– Вежливость тебе не идет. – Риторическое утверждение, но оно разбудило во мне внутреннего бунтаря.

– Тебе нужно задуматься о следующем альбоме, Алекс. «Отсоси» оказался так себе, и ты брал отпуск, чтобы поправить здоровье. Я была удивлена, что за время лечения ты не написал ни строчки.

Я тряхнул головой и поднял бровь.

– Бывала в реабилитационном центре, Дженна?

– Нет. – Она захлопнула зеркальце.

– У меня появилась чертова тонна времени, но я был слишком занят, блуждая по коридорам, опираясь на стеночки и стараясь не содрать с себя кожу живьем.

– Твоя дурь не приводит к физической зависимости, – настаивала она, не моргая.

– А ты принимала, Дженна? – я спросил тем же тоном, как в прошлый раз.

– Нет.

– Тот же ответ.

В дверь снова позвонили. Блэйк открыл, снова, впуская Лукаса и новенькую. Участники группы и менеджер уже поняли, что она станет частью нашего окружения. По крайней мере, им хватило приличия игнорировать ее, как уродливую вазу, которую никто не решается убрать. Конечно, кроме Вэйтроуза, который старательно все портил.

– Кто заказывал мексиканскую еду? – заорал Блэйк.

– Глупый вопрос, дружище! – Элфи крикнул с дивана.

– Вот дерьмо, точняк! – медленно протянул Лукас, имея в виду живот Элфи, который не разделял его пристрастий в еде.

Я повернулся, снова обращаясь к Дженне.

– Итак. Где ты откопала эту маленькую задиру? – Я помассировал мочку ее уха. Женщины таяли под моими руками, как масло, и мой агент ничем не отличалась от остальных. За исключением того, что она никогда не станет спать со мной, потому что знает, чем все закончится.

Дженна разглядывала свои ногти.

– Разве это имеет значение? Я не верю, что ты сможешь удержаться сам – это все, что тебе нужно знать. Ты импульсивный, озлобленный и полон ненависти ко всему живому. А она... Ей есть что терять в случае, если все пойдет не так, как я этого хочу. Извини, Ал. Она готова встать на тропу войны.

– Дженна, – цокнул я, проводя большим пальцем по нижней губе. – Война ей не по плечу. Ее едва хватит на спортивный забег.

– Если так, то пообещай играть по правилам. Она, может, и дерзкая, но все равно еще очень юная.

– «По правилам» – таких слов нет в моем словаре. – Я не шутил.

– Скажи это кому-нибудь из твоих бесконечных подружек на одну ночь. Уверена, они все равно прыгнут к тебе в постель. – Дженна так закатила глаза, что они чуть не выпали. Она задела мою грудь плечом, направляясь к двери. Индиго последовала за ней с прямой спиной.

Перед уходом Дженна бросила мне:

– Напиши альбом, Ал. Сделай его эффектным, сравняй счет между тобой и Уиллом Бушеллом.

Что-то щелкнуло в моей голове, когда она произнесла это имя.

Нечего было равнять. Я выпустил *один* плохой альбом. У всех такие есть. Даже у Bad Religion⁹. Но я, разумеется, не собирался оправдываться ни перед ней, ни перед кем-либо, и определенно не перед моей свитой и маленьким смурфом, которого она затащила в мое логово.

– Уже в процессе. – Я подмигнул Дженне и выстрелил в нее из пальца, повернувшись так, чтобы она не заметила злость на моем лице.

Дверь закрылась.

Я схватил мексиканскую еду Элфи и швырнул ее в стену, глядя, как черные бобы сползают вниз.

Гуакамоле прилип к обоям, как бетон, борясь с гравитацией. Я нервничал и даже не знал почему.

Новый альбом?

Новое турне?

Новенькая?

Уилл Бушелл?

Предстояли перемены, и на этот раз не было волшебных средств, способных снять напряжение.

⁹ Американская панк-рок-группа из северного предместья Лос-Анджелеса, образованная в 1980 году.

Глава третья

Инди

– Итаааак. Рассказывай, сестренка. Какой он из себя?

Отвратительный. Великолепный. Грубый. Сексуальный. Взвинченный. Остроумный. Задумчивый. Невыносимый. Тревожный. Сложный. Все это и даже больше соединилось в Алексе Уинслоу, но семье не нужно было знать. Наташа уже сходила с ума от мысли, что я уеду на три месяца. Я закрыла кран и вытерла руки кухонным полотенцем. Мы жили на старом бульваре Пико в однокомнатной квартире, где шум от холодильника громче, чем от шоссе, а желтые стены были еще более голыми и унылыми, чем стриптизерши в клубе прямо под нашей квартирой.

– Нормальный, как мне кажется. Среднестатистическая рок-звезда. Дымит как паровоз. До чертиков самовлюбленный тщеславный придурок. – Я замолчала, стараясь смотреть куда угодно, только не на брата и его жену.

Наташа оторвала взгляд от тарелки с пастой, а Крэйг продолжал просматривать объявления о работе в ежедневной газете, глотая пиво. Он уже дошел до той степени отчаяния, когда отправляешь свое резюме куда угодно, даже если вакансия, размещенная на Крэйгслист¹⁰, едва подходит. Он шутил, что сайт назвали в его честь и в честь монстра, в которого он скоро превратится, если не найдет работу. Крэйг был готов обивать пороги домов и умолять дать какую угодно работу – выгуливать собак, поливать цветы или даже почку продать. Мне было больно видеть его в таком состоянии. Особенно учитывая тот факт, что он отказался от стипендии в колледже, чтобы вырастить свою младшую сестренку, потому что однажды его родители, шедшие домой после празднования двадцатой годовщины со дня их свадьбы, так и не вернулись.

– Перестань нести чушь, Инди. Ты никогда не говоришь о людях плохо. Если он и придурок, то мирового уровня, что меня совсем не удивляет. Покажи мне знаменитость, которая не является сволочью. – Крэйг сел обратно на свое место, и черное облако злости повисло над его головой. Стул скрипнул под его весом. Наташа стучала вилкой по тарелке. Крэйг допил пиво и поставил банку рядом с еще двумя, выпитыми ранее.

– Добавки? – я указала подбородком на тарелку, игнорируя тот факт, что брат напился, а мы не могли позволить себе даже пачку парацетамола для Зигги.

Наташа покачала головой.

– Там как раз на завтра. Спасибо.

– Экономить макароны. Не очень рок-н-рольно. Думаю, ты теперь слишком хороша для нас, Инди, – сказал Крэйг, но мы проигнорировали его замечание.

Я вымыла посуду. Кухня была маленькой и забитой до отказа – кастрюлями, контейнерами, фотографиями в рамках, которые хранили все радостные, грустные и смешные воспоминания. Зигги спал в своей колыбельке в гостиной. Сейчас нам удалось взять под контроль инфекцию, которая мучила его. Но все мы знали, что с наступлением зимы это изменится.

Нэт встала позади меня, обняла за талию и положила голову мне на плечо.

– Ты не должна этого делать. Ты же никогда не летала. Даже из Штатов не уезжала. Мы все еще можем справиться своими силами. У меня есть временная работа на Венис Бич¹¹, по крайней мере, до октября. И Крэйгу обязательно скоро что-нибудь подвернется...

Я повернулась, взяла ее за плечи и улыбнулась.

¹⁰ Сайт электронных объявлений, пользующийся большой популярностью у американских пользователей Интернета.

¹¹ Один из самых знаменитых пляжей Лос-Анджелеса.

– Триста тысяч долларов за то, чтобы потусить с рок-звездой. Ты прикалываешься? Разве от такого может отказаться девушка в двадцать один год?

– Да, – отрезала она, положив руку на мое старомодное оранжевое платье. – Если речь идет о тебе. Я тебя знаю. Все, чего ты хочешь – это пить и играть с Зигги. Ты же мать всех интровертов. Когда мы смотрели «*Парень из пузыря*»¹², ты завидовала бедному мальчику, который жил в одиночестве.

Тутше.

Мне не нужно было напоминать о моем затворничестве. Но, возможно, в этом и есть прелесть предстоящей работы. Выбраться из своей раковины – как раз то, что нужно. К тому же у меня останется множество воспоминаний о прекрасных и неповторимых приключениях. Новые запахи, виды и вкусы на языке из всех чудесных мест, которые я всегда мечтала посетить.

– Нэт, честно, даже если бы я попыталась, я бы не смогла устоять.

– Ты же сказала бы нам, если бы не хотела ехать? – спросила она, и я гадала, видит ли она мой страх, скрытый за улыбкой.

– Да, Инди. – Крэйг встал и направился в гостиную, все еще не сняв пижаму. – Не думай, что должна жертвовать собой. Мы прекрасно справляемся. Несмотря на то что мы должны за квартиру, электричество и счета на оплату врачей Зигги. Ой, да и жить еще надо на что-то.

– *Крэйг*, – прошипела Наташа, гневно посмотрев на мужа.

Он ушел, его горький смех отражался от стен. Минутой позже дверь в спальню захлопнулась. Зигги застонал, выражая недовольство внезапным шумом. Время застыло, пока мы ждали, когда снова послышится тихое сопение малыша.

Теперь я понимала, почему брату не удастся найти работу. Но ведь он не всегда был таким язвительным, грубым и не знающим меры. Когда-то давно Крэйг был прелестным, добрым парнем, который завоевал сердце Наташи Брокхаймер, распевая у нее под окном песни Алекса Уинслоу. У нее были наисветлейшие волосы, невероятно загорелые ноги и самый богатый папа в Беверлиуд. Ее не волновало, что Крэйг бросил колледж, чтобы заботиться обо мне. Но не ее родителей. И когда она забеременела в двадцать два, они сказали, что не хотят иметь ничего общего с ней, Крэйгом, Зигги и мной.

Некоторое время Крэйг держался на позитиве. Он работал на двух работах, помогал с Зигги и делал Наташе массаж ног каждый вечер, говоря, что мы преодолеем все трудности. Но потом его уволили, он начал пить, и бодрое настроение, массаж ног и надежда исчезли из наших жизней, сменившись удушливым облаком безнадеги.

– Пожалуй, я пойду спать. Спасибо за все. – Я дернула Наташу за светлую кудряшку. Я спала на диване рядом с кроватью Зигги. Это было удобно, потому что несколько раз за ночь он просыпался от жажды.

Кто будет давать Зигги чашку-непроливайку, когда я уеду? Я оставила вопрос без ответа, позволив ногам провести меня мимо дивана к моему белому велосипеду, – единственной дорогой вещи, которую я могла себе когда-либо позволить. Мама купила мне велик, когда мне исполнилось четырнадцать. Он был сделан в Париже, моем любимом городе, хотя я там даже ни разу не была.

Я устала на большой чемодан, стоящий рядом с входной дверью. Он смотрел на меня в ответ, дразнил, напоминая о предстоящих событиях. Никаких шансов, что я усну, когда такая тяжесть сдавливает грудь, занимает мысли и терзает сердце. Мне требовалось больше воздуха, чем во всем многоквартирном доме.

Я решила прокатиться.

¹² Комедия 2001 года, снятая режиссером Блэром Хэйсом. По сюжету Джимми Ливингстон родился без иммунитета, и, чтобы спасти малышу жизнь, доктора поместили его в пластиковый пузырь.

На улице я закинула ногу на велосипед, оттолкнулась от асфальта и помчалась по темной улице. Свежий солоноватый ветерок ласкал мое лицо. Свет от вывесок круглосуточных магазинов и старомодных кафешек оставался позади, и впервые за этот день я вдохнула полной грудью.

Мурашки побежали по спине, стоило мне вспомнить, как я впервые увидела перед собой глаза Алекса Уинслоу. Золотистые, словно виски. Бездонные и желтовато-карие, как густой лес, глубокие, выразительные и обманчиво теплые. Прямой нос, квадратный подбородок, словно выточенный из камня, и две пухлые губы смягчали внешность, несмотря на все его старания. Взъерошенные волосы были грязно-каштанового цвета, мягкие и шелковистые. От него пахло старой кожей и очередной навязчивой идеей. Возможно, он был красив, но нужно помнить, что Алекс Уинслоу не тот, кто станет ухаживать. Или что-то в этом роде. Кем он определенно был, так это грубым, нетерпеливым хулиганом и наркоманом в завязке.

Я начала крутить педали быстрее, капельки пота выступили над бровями. На Уинслоу были незашнурованные армейские ботинки, дешевые на вид рваные джинсы и черная майка с необработанными проймами, обнажающая его худой торс и татуировки на ребрах. Худощавый – но гибкий и сильный, он носил несколько браслетов и колец и полностью соответствовал званию секс-символа.

Я ненавидела его.

Ненавидела его походку, манеру говорить, то, как он подначивает меня. Ненавидела, что у него есть власть надо мной и то, что он использует ее против меня.

Я крутила педали почти два часа, прежде чем развернуться и отправиться домой, а потом передумала идти в душ, чтобы никого не разбудить. Я ворочалась на диване до рассвета, благодарная тому, что Зигги просыпался и просил пустышку дважды. И когда солнце взошло и облака нависли над городом, я встала, взяла чемодан и подошла к его кровати.

– Я вытащу нас из этого дерьма, – поклялась я, наклоняясь, чтобы поцеловать его в лобик, напоминая себе, что прощаюсь не навсегда и впереди нас ждет более радужное будущее. Он что-то промурчал себе под нос и помахал своим маленьким кулачком, говоря «пока» и посылая мне воздушные поцелуи, как я его учила.

Я собиралась сдержать это обещание.

Алекс

– Что за черт?

Я проснулся от резкого удара локтем в ребра. Раз уж я почувствовал это через черную толстовку и кожаную куртку, то это должен быть тощий онанист Элфи.

Возмущаясь, я сел. Убийственный гул промышленных двигателей звенел в ушах. Можно подумать, что пора привыкнуть. Спойлер: все еще нет.

Элфи надул губы, как капризная фанатка, и коснулся лба тыльной стороной ладони.

– О, Александр, почему ты не любишь меня?

– Потому что у тебя член, нет сисек, ты пердишь, будто сожрал все тухлые яйца Америки, и думаешь, что Рассел Брэнд¹³ отличный комик. Последний, кстати, почти что преступник.

Элфи засмеялся и что-то бросил в меня – голубой медиатор для гитары.

Я поднял его и убрал в задний карман.

– Чего тебе?

– Мы добрались до аэропорта.

– Я думал, мы уже в самолете.

¹³ Британский юморист, стендап-комик, актер, публицист, писатель, теле- и радиоведущий.

– Ты еще под кайфом? Мы в адской пробке и ползем в международный аэропорт Лос-Анджелеса со скоростью улитки.

– Тогда что это за шум? – Я повернулся к окну.

– Это, должно быть, Лос-Анджелес, Лорд МакКантсон, – Блэйк сострил, он пялился в телефон, находящийся всегда в рабочем режиме.

Спустя сорок минут мы оказались в аэропорту. Блэйк просмотрел наш график на своем iPad. Мы всегда начинали с дальних точек, прокладывая маршрут обратно в Штаты. Сначала Австралия – Сидней и Мельбурн, затем Азия, Европа, пока мы не доберемся до земли свободы – с недельным перерывом в Англии, чтобы повидаться с семьями.

«Письма Покойника» не должны были доставить проблем. Я планировал исполнять лучшее из своего репертуара, а эти песни я знал наизусть. Нового я не написал. Я собирался целовать задницы моих поклонников и надеялся, что новые впечатления, запахи и культуры заставят меня испытать творческий оргазм.

На этот раз звукозаписывающая компания просила чего-нибудь «*броского, веселого, игристого, с намеком на рок-н-ролл*». Естественно, мой внутренний бунтарь сразу захотел положить им на стол трэки на четырнадцать минут о политике и глобальном потеплении. Я терпеть не мог политику, но звукозаписывающую компанию я ненавидел больше.

В аэропорту мы прошли мимо охраны и направились в VIP-зал. Частный самолет был готов, и именно это в жизни Алекса Уинслоу нравилось мне меньше всего. У меня был доступ к самому смехотворному дерьму, когда-либо изобретенному человеком. Семь лет назад я пускал бы слюни от возможности сесть в самолет, любой самолет, независимо от пункта назначения или класса полета. А сейчас я недоволен тем, что у меня есть только свой собственный.

– Самая настоящая Мать Драконов. – Блэйк заволновался, когда я расчехлил Таню, положив футляр от гитары на один из столиков. Блэйк часто твердил, что Дженна способна сжигать людей заживо, если они не подчиняются.

Я снял кожаную куртку, огляделся вокруг, чтобы удостовериться, что все необходимые мне вещи находятся в зоне доступа – мобильный телефон, Таня и кошелек.

– И ты говоришь мне это, потому что...?

– Потому что она не одна.

Я поднял взгляд, наблюдая, как мой агент направляется ко мне в уютном полосатом платье. Она привела няню номер одиннадцать. Новенькая теперь стояла передо мной в желтом платье в стиле сериала «*Безумцы*». Обтягивающее и совершенно нелепое для перелета длиною в день. Ее синие волосы были заплетены в причудливый пучок, и выглядела она как фея-дальтоник.

– Новенькая, – воскликнул я, изображая фальшивую радость; так Дженна будет думать, что я хотя бы попытался, прежде чем дать ей пинка под зад. Я отказывался называть ее Инди, потому что а) это дурацкое имя и б) таким образом я бы признал, что она личность, а не препятствие. Я раскрыл объятия и направился к ней, весь такой развязный и с легкой ухмылкой.

– Рады приветствовать тебя на борту.

Улыбка новенькой сменилась с робкой на раздраженную. Когда мои руки сомкнулись на ее плечах, я услышал, как она выдыхает, теряя последнюю надежду, что приключение будет хоть немного цивилизованным. Дженна стояла рядом с нами, и я не смог удержаться (опять), чтобы не поддеть новенькую и не прошептать ей на ухо:

– Беги, дорогуша. Это твой последний шанс на спасение.

Она застыла, но не сжалась, и за это в каком-то роде я перестал ненавидеть ее. У этой хотя бы внутренний стержень был. До сих пор я относился к ней еще хуже, чем к остальным. Потому что, в отличие от предыдущих, она не сдвинулась с места.

– Рада, что вы поладили. – Дженна уставилась на меня, подозрение сочилось из каждого произнесенного ею слога. Она знала, что где-то есть подвох. Но, как и большинство людей в моем окружении, ей не хотелось ворошить осиное гнездо.

Я отстранился и положил руку новенькой на плечо, сжимая ее в объятиях.

– Может, даже лучшими друзьями будем, – я изобразил самый жалкий американский акцент.

Дженна ткнула коготком с идеальным маникюром мне в грудь.

– Напиши альбом, Ал. Такой, в котором ты не поливаешь грязью своих коллег. Сделай его с душой. Постарайся. И на заметку – у Бушелла похожее турне. Ваши концерты в Европе проходят параллельно. Держись от него подальше.

Мои уши зашевелились, может, и на самом деле.

Мне хотелось знать, сопровождает ли его Гребаная Фэллон, которую я назвал так за то, что эта сучка разрушила мою жизнь. Бушелла я был бы рад больше вообще никогда не видеть. Фэллон? Это уже другая история. Дженна увидела вопрос на моем лице и сразу ответила.

– Давай развею твои сомнения – Фэллон с ним. Еще разочек повторю. *С ним*. Не с тобой. Все кончено, если тебе еще нужны объяснения.

– Не говори мне... – начал я, за что получил удар ладонью по груди. Я был на девяносто девять процентов уверен, что большинство агентов не проводят свое время, ударяя ладонью по груди клиентов.

– Она чуть не загубила твою карьеру! Сам ты чуть не откинулся от передоза. Хочешь умереть из-за этой девки, которая прыгнула из твоей постели в постель твоего бывшего лучшего друга, даже не смыв тушь с ресниц? Пожалуйста! Но если ты снова начнешь употреблять во время «Писем Покойника», клянусь, название станет говорящим, потому что я *самолично тебя прикончу*. – Она сделала паузу, глубоко вдохнула, а затем улыбнулась. – В переносном смысле, конечно. Адвокат сказал, больше никаких угроз рок-звездам, пока не выплачу всю сумму за дом в Малибу.

Я запрокинул голову и рассмеялся. От души, заливисто, громко. Вот-почему-я-нанял-твою-сумасшедшую-задницу. Конечно же, мне нужна Дженна, да и я был нужен ей. Меня все еще считали самым лакомым кусочком в Голливуде и даже после «Отсоси», который, как всем известно, был сладковатым, поставленным на поток альбомом в стиле «Maroon 5» и Эд Ширан встретились на выпускном в католической школе», у меня все еще оставались силы, чтобы зажечь Вегас. Если мой следующий альбом провалится, то, возможно, – только возможно, – мне смогут вот так угрожать. А сейчас мне нужно постараться, но уж точно не потакать каждому капризу Дженны.

– Ты будешь скучать по мне. – Я подмигнул своему агенту, которая даже не удосужилась закатить глаза.

Дженна подтолкнула новенькую ко мне.

– Помоги ей, когда приземлитесь в Австралии. Она еще никогда не летала. Нам пришлось по-быстренькому сделать ей паспорт.

Лицо новенькой покраснело так быстро, что я думал, она взорвется. Девчонка вздернула подбородок и крепче сжала свою сумку. Ей не стоило волноваться. Я, конечно, козел, но никогда не высмеивал тех, у кого не было таких же возможностей, как у меня. Прошло много времени с тех пор, когда мне приходилось считать каждой пенни и ночевать в метро. Но, начистоту, я все еще мог превратить ее жизнь в ад. Никакой дискриминации. Ни позитивной, ни негативной. Зовите меня святым.

– Что-нибудь еще? – Я достал сигарету.

– Вот список обязанностей Индиго. Внимательно прочитай его и не спорь. Так полагают, Ал. – Дженна прижала папку к моей груди, ее поднятая бровь подбивала меня начать спор.

– И тебе, – она вручила что-то Инди, – в этом телефоне два контакта – мой и Хадсона, личного секретаря Алекса. Без Интернета. Без приложений. Он нужен только для одного – для связи со мной. Мне нужны ежедневные отчеты, понятно?

Затем Дженна развернулась и ушла, даже не попрощавшись с новенькой. Девчонка стояла передо мной, и на ее лице была смесь неповиновения и решительности.

– На что пялишься? – взорвался я. Возможно, я захотел быть арестованным. Время в тюрьме – время в одиночестве, а это не самое худшее.

– Смотрю на свой худший ночной кошмар. – Она моргнула, как будто ожидала, что от этого я испарюсь.

По крайней мере, она была чертовски честна. Шагнув вперед, я встал вплотную к ней. Пепел с сигареты падал ей на волосы. Я прошептал:

– Я не твой ночной кошмар, милочка. Во время кошмара ты можешь проснуться. Я же, напротив, не покину тебя, пока ты сама не уйдешь. Улавливаешь разницу?

Не позволяя ей ответить – «Как быть последним говнюком: пособие для чайников», запатентовано мной, – я повернулся и двинулся к кожаному креслу возле большого окна, выбросив по пути толстую папку с ее обязанностями в мусорное ведро.

Я надеялся, для ее же безопасности, что она не слишком боялась полетов, потому что ей придется возвращаться одной после того, как я ее уволю.

Мы сели в самолет. На взлете потряхивало. От турбулентности новенькая посерела, и я был уверен, что все в ней сжалось, включая кисть. Спустя пятнадцать минут полета в салон вошла стюардесса и спросила, не желаем ли мы чего-нибудь.

– Имбирный эль со льдом и заряженное ружье. – Я отмахнулся, уставившись на пустой лист, который мне нужно было заполнить вдохновляющей прозой.

– Для него, не для тебя, – пояснил Лукас, который сидел на белом Г-образном диване рядом с новенькой. Он единственный разговаривал с ней, возможно, чтобы позлить меня. – Если бы не его увлечение алкоголем и наркотой, тебя бы здесь не было.

Я мысленно поставил крестик – напомнить Лукасу перестать лизать новенькой зад, потому что это действовало мне на нервы.

Мне не хотелось, чтобы он крутился вокруг девчонки, которую наняли для меня.

Мне не хотелось лицезреть, как легко ему живется, пока я каждый божий день пробираюсь сквозь дерьмовую депрессию, а единственными друзьями, способными вытащить меня из всего этого, являются спиртное и наркотики.

И вообще, мне не хотелось смотреть, как они обжимаются на диванах в самолете и на задних сиденьях автобусов, пока я зализывал раны после расставания. Особенно если учесть, что он был одной из причин, по которой я оказался в данной ситуации в первый раз.

– Осторожнее, Лукас. Мои игрушки – это мои игрушки, так что держи свои руки при себе, – предупредил я его, делая глоток имбирного эля и все еще глядя на пустой лист.

Он не переспросил, что я имею в виду.

Он знал.

Глава четвертая

Инди

Сидней, Австралия

– Ты не бестолковая, – Лукас повторял эту фразу уже в десятитысячный раз.

Мои руки исчезали в огромных карманах его стильного жакета, который он мне одолжил, потому что я забыла, что в Австралии зима (хотя в Штатах лето). Мне жестоко напомнили об этом, когда мы вышли из самолета и оказались на сильном ветру под небом, затянутым облаками. Даже от короткой прогулки от «Мерседеса» до блестящего черного фургона меня бросило в дрожь.

– Ты не могла знать, – голос Лукаса был таким нежным, что можно было расслышать скрытую жалость.

– Ага, – вздохнул Алекс, шагая перед нами, даже не оборачиваясь, чтобы удостоить нас взглядом. Гитара, переброшенная через его плечо, болталась на спине, как черепаший панцирь. – Откуда ты могла знать, что в южном полушарии зима, если в северном – лето? Это же самый большой секрет на планете.

Все разговоры смолкли. Блэйк, менеджер Алекса, парень с черными волнистыми волосами в строгом костюме, нахмурился. Элфи, высокий с золотистыми кудряшками, потряс головой и пнул пару камешков по пути к внедорожнику. В сапфировых глазах Лукаса читалось извинение за поведение Алекса, и он сжал мою руку.

– Не обращай на него внимания. Все хорошо?

Я кивнула.

– Если не считать того, что я чувствую себя идиоткой? Супер, спасибо, что спросил.

Мы забрались в автобус, где, к счастью, я не стала заострять внимание всех на то, что руль с правой стороны, и продолжила молчать. Прежде чем сесть в самолет, Блэйк вручил каждому из нас гастрольный график. Элфи использовал его вместо зубной нити. Мне хотелось выглянуть в окно и впервые увидеть Сидней, но, по правде говоря, я не была уверена, что на меня не нахлынет буря положительных эмоций, а я не готова снова стать для Уинслоу боксерской грушей. Я поняла, что мне нужно притихнуть до тех пор, пока я не вырасту в его глазах из Новенькой в Инди. Тем не менее я ненавидела его за то, что он вызвал во мне такие эмоции. А еще я знала, что не стану Маленькой мисс Бесхребетность на ближайшие три месяца. Мне нужно найти в себе силы и дать отпор.

Мы остановились в модном отеле, расположенном на побережье океана в Дарлинг-Харбор¹⁴. Раньше я бывала в отелях, но те относились к придорожным мотелям, и в брошюрах о них было написано что-нибудь в духе «очаровательный дизайн в стиле восьмидесятых». Этот же оказался абсолютно другим. Чудовищное здание со стрелами и арками, растянувшееся на мили. «*Полный треш*» – довольно точное описание для этого отеля. Нам пришлось десять минут колесить по территории, ожидая, пока охрана перекроет тротуар металлическими ограждениями, чтобы рок-звезда смогла заселиться в отель. Но когда мы наконец остановились, я поняла, что у меня появилась проблема посерьезнее попыток решить, напоминал ли мне Сидней больше чистый, новый Майами или городской Палм-Спрингс.

– Что за... – ахнула я, слишком удивленная, чтобы закончить предложение. За барьерами стояли сотни поклонников, кричащих и размахивающих табличками и плакатами. Рыдающие девушки царапали лица, выкрикивая имя Алекса так громко, что я удивлялась, как у

¹⁴ Гавань, примыкающая к центру Сиднея; самый популярный район у туристов.

них не лопаются барабанные перепонки. Внедорожник остановился. Британцы смотрели друг на друга, лица светились задумчивыми улыбками. Лицо Алекса оставалось бесстрастным.

– Слишком много, не прорваться, – Лукас заерзал на своем месте рядом со мной. Он взял мою ладонь и сжал ее для храбрости. Его прикосновение оказалось теплым и приятным. Он был привлекательным, в легкой, романтической манере.

– Да, Новенькая, – Алекс удивил меня, обратившись ко мне и сжав мое бедро. От этого прикосновения сердце провалилось в желудок, а по шее пробежали мурашки. – Все дело в тебе, так что скажи нам, как ты относишься к тому факту, что сотни людей ждут не тебя.

Терпение. Мое ангельское, неиссякаемое терпение настоятельно рекомендовало мне не врезать ему кулаком по лицу. Мне очень нужна работа. Но Алекс Уинслоу напоминал мне, что ради решения финансовых проблем придется поднапрячься.

– Можно хоть вздохнуть без твоих комментариев? – я спихнула его руку со своего бедра. Я мечтала, чтобы он не выглядел как разгневанный бог и не писал, как измученный поэт. Ненавидеть его было бы гораздо легче.

– Только если ты будешь делать это беззвучно и не в моем присутствии, – быстро ответил Алекс.

– Поздравляю, Уинслоу. Тебе удалось получить награду «Самый грубый человек в мире», – проворчал Блэйк, печатая что-то в телефоне.

– Я приму ее, но не явлюсь на церемонию.

– Отличная идея, возможно, ты выскочишь на сцену и украдешь статуэтку, которая даже не тебе предназначалась... – пробормотала я. Глаза расширились от ужаса, когда слова слетели с языка. На секунду мир замер.

Элфи прервал тишину, фыркнув с заднего сиденья и выдохнув, долго и громко.

– Ой! У меня встал. Если вы двое собираетесь трахнуть друг друга из ненависти, мне, пожалуйста, билет в первом ряду.

– Элфи! – Лукас повернул голову, посмотрев на него с укором.

– Что? В первом ряду несколько сидений. Тебе тоже достанется.

– Хватит, – гаркнул Блэйк, убирая телефон в карман и открывая дверь. – Все на выход! Инди, постарайся быть скромнее. Парнишка слишком обидчив, когда дело касается нянек, которых ему присылает Дженна. Пойми, ему двадцать семь, и он один из самых влиятельных знаменитостей во вселенной. Ему сложно проглотить обиду и смириться с твоим присутствием.

Элфи поднял руку, словно прося разрешения выговориться.

– Но если ты хороша в этом, в смысле, в глотании, наверное, сможешь смягчить удар.

Алекс повернулся и ударил его в плечо так сильно, что стук слышали все.

– Достаточно умных мыслей от тебя. Пошли.

Мы вылезли из фургона. Я споткнулась, ослепленная вспышками дюжин камер и криками папарацци. Я продолжала смотреть вперед, надеясь, что пройду через вращающуюся дверь без запоминающегося падения или позорного пятна от месячных на штанах. Сейчас у меня даже не было месячных, просто казалось, что такое вполне может со мной произойти. Шум, свет, смех – все смешалось в голове смертельным коктейлем. Руки и ноги стали ватными, и у меня начался приступ клаустрофобии.

Кто-то взял меня за руку.

– Держу тебя.

Я поспешила ко входу, даже не понимая, кто ведет меня внутрь. Вздохнуть я смогла лишь тогда, когда стеклянная стена отделила меня от людей снаружи. Я повернулась, чтобы поблагодарить спасителя, державшего меня за руку, и сердце екнуло при виде Лукаса, одарившего меня доброй улыбкой.

– Спасибо. – Такое ощущение, что рот был набит ватой.

– Наши номера готовы. Преимущества свиты Алекса Уинслоу. – Он сунул руки в карманы и уставился на ботинки.

Дерьмо.

– Где Алекс? – Дженна велела не выпускать его из виду. Нас поселили в разных номерах, но Блэйк будет жить с Алексом, чтобы присматривать за ним. Все остальное время мне следовало находиться рядом. Элфи направился к стойке регистрации и уже флиртовал с девушкой-администратором. Блэйк говорил по телефону и повторял одно и то же предложение.

– Мне без разницы, что это лучший отель в Париже, в Европе или во всем Млечном Пути. Если Алекс его увидит, он его убьет.

– Снаружи, как обычно. – Лукас следил за звездой, наблюдая за его движениями. – Общается с фанатами. Почему, думаешь, их так много? Они для него на первом месте.

Я проследила за взглядом Лукаса. Алекс опирался на ограждения, подписывая постеры, рюкзаки и груди, одновременно успевая делать селфи с перевозбужденными фанатами. Рядом с ним было два охранника, каждый размером с Халка. Они беспомощно глядели на эксцентричную суперзвезду, желая, чтобы он перестал заигрывать с девочками-подростками и испытывать судьбу. Фанаты были слишком близко и могли с легкостью толкнуть его на землю и поглотить его, как полчище зомби.

– Мне нужно вытащить его, – сказала я скорее себе, нежели Лукасу.

– Они не подсунут ему наркотики. Он же у всех на виду.

– Не могу поверить, что он умеет вежливо общаться. – Я повернулась к Лукасу. А еще не могу поверить, что ляпнула такое его барабанщику и другу.

Лукас подошел ко мне, но почему-то я не испытала дискомфорта.

– Знаю, звучит как клише, но жизнь сделала из него такого козла. Он не всегда был таким. Думаю, ты поймешь, что он отличный парень. Он просто... злится.

«Похож на моего брата», – подумала я.

Мы оба следили за Алексом, пока Блэйк не подошел слишком близко, заставив меня пододвинуться к Лукасу.

– Номера готовы. Чья очередь вырывать Алекса из лап хищниц?

Я притворилась будто не слышала вопроса, сомневаясь, что он имел в виду меня. В отличие от Лукаса, остальные парни предпочли бы выйти на ринг с голодным львом, нежели поговорить со мной.

– Сейчас очередь Элфи. С кем ты разговаривал, дружище? – спросил Лукас.

– Джейс, агент Уилла. – Блэйк выдохнул. – Мы пересечемся в Англии и Париже. За Англию я не переживаю, Бушелл остановится в коттедже у бабушки в Шеффилде¹⁵. Но в Париже у нас вечер Хеллоуина в замке Мальмезон¹⁶. Благотворительность. – Блэйк выразительно взглянул на Лукаса.

– Можем разыграть чрезвычайную ситуацию. – Лукас пожал плечами, переходя в деловой режим. – Хотя, думаю, это вызовет вопросы, учитывая, что он только вернулся из реабилитационного центра.

Блэйк кивнул, потирая шею.

– Будет хуже. Дело в том, что Уилл и Фэллон обручились. Хорошо, что он не сказал этого нам, когда мы... – Он так и не закончил предложение, и я знала, что лучше не спрашивать.

Все снова уставились на Алекса. Впервые с момента нашей встречи он выглядел счастливым, делая селфи с двумя девочками в брекетах.

– Алекс использует это в качестве оправдания за пьянку и наркотики. – Лукас ударил кулаком по бедру.

¹⁵ Город в Англии, в графстве Саут-Йоркшир.

¹⁶ Усадьба в 20 км от Парижа, наиболее известная как частная резиденция Наполеона Бонапарта и Жозефины Богарне.

Блэйк снял пальто.

– Да, я не порадовал Джейс и не стал спрашивать об этом, но если это так, новость появится в вечерних газетах. Дженна разговаривает со своими людьми в прессе, пытается оттянуть время публикации.

Фэллон была слабостью Алекса. Я не знала ее, никогда не следила за сплетнями о знаменитостях, но мне было известно, что последние пару лет Уилл Бушелл – заклятый враг Уинслоу.

– Нам нужно держать его подальше от Интернета и газет, – сказал Лукас, соглашаясь с ним. – И удостовериться, что рядом с ним нет папарацци или журналистов.

– Второе особенно заманчиво. Алекс известен своими двусмысленными ответами. Но как ты удержишь его от выхода в онлайн?

– Ты придумаешь что-нибудь, с чем он не сможет поспорить. – В голосе Лукаса звучала паника, и я постаралась собрать все воедино.

Блэйк преувеличенно вздохнул.

– Иногда мне кажется, что я воспитываю ребенка. Помнишь тамагочи? Алекс равен сотне этих штук, висящих на шее.

Спустя пять минут британский тамагочи вошел внутрь, и Блэйк вручил мне электронный ключ от номера и предупредил, что нужно быть в холле в шесть вечера. Вообще-то, как он объяснил, они уже много репетировали, но нужно проверить звук и удержать исполнителя в трезвом состоянии. Когда я вошла в свой номер – весь этаж выделили для Алекса Уинслоу и его команды – первое, что я сделала – упала на королевского размера матрас и, визжа от восторга, сделала ангела. Только не снежного, а постельного получается. Я сжала атласные простыни в руках и застонала. Каждый мускул моего тела находился в напряжении после долгого полета, и я даже не обратила внимания на мраморные полы или висящие на стенах фрески с изображением пустыни, обрамленные в золото. Все, чего мне хотелось – уснуть сейчас и проснуться через три месяца.

Телефон завибрировал в руке. Я посмотрела на него, сузив глаза, будто он живой и мы только что горячо спорили. Лукас помог мне подключить сеть и Интернет. Не то чтобы это имело значение. Экран на моем личном телефоне был сломан, и я не могла ничего на нем видеть, даже имени звонившего. Я поднесла телефон к уху и в глубине души стала молиться, чтобы звонили не из кредитной компании.

– Алло?

– Инди, это Нэт. Звоню узнать, все ли хорошо, – пропела она с другого конца. Сколько сейчас времени в Лос-Анджелесе? Кажется, полночь. Я перекатилась на спину и уставилась в высокий, сводчатый потолок, задаваясь вопросом, почему все красивое в мире стоит таких баснословных денег.

Этот отель.

Деньги, которые мне заплатят.

Казалось бы, несчастная жизнь Алекса.

– Все прекрасно. – Голос сорвался, и я постаралась натянуть улыбку, чтобы и Наташа ее услышала. Моей семье необязательно знать, что надо мной издевается легенда рок-музыки. У них и так забот хватает.

– К тебе хорошо относятся?

– Лучше не бывает, – заверила я. *Безбожное вранье.* Если вам приходилось слышать о невинной, милой, никого не обижающей лжи, то это она.

– Слышала про Уинслоу? Думаю, это обсуждалось весь полет... – Нэт забросила удочку. Я сморщила нос, изучая мини-бар в другом конце комнаты. Жизнь слишком коротка, чтобы лишать себя возможности попробовать содержимое за счет рок-звезды.

– Не-а. Он не особо разговорчив. Сомневаюсь, что он открыл бы рот, даже если бы его обвинили в том, что он пришелец и прибыл сюда, чтобы высасывать жизнь из монахинь. А что? Что случилось?

– Речь о его хозяйстве. Взломали телефон голливудской звезды – черт, не могу вспомнить ее имя – и, конечно же, у нее в сохраненных фотках член Уинслоу. По-видимому, жеребцам до него далеко. Какие-то пиксельные картинки появились в таблоидах, но, как мне кажется, это могла быть и его рука.

Я усмехнулась, чувствуя, как румянец покрывает щеки. *Наташа в своем репертуаре.* Прежде чем стать матерью и женой, она была смешной, беспечной чирлидершей, которая не отказывалась посмотреть на картинки первоклассных членов.

– Теперь, когда он свободен и ты тоже, и вам предстоит провести три месяца в совместном путешествии, мне бы хотелось услышать подтверждение этих слухов.

– Не выдумывай, – пробормотала я.

– Почему бы и нет, Инди? Хотя бы подумай об этом. Если ты так любишь кататься на велосипеде, представь, каково это – оседлать знаменитость.

– Ничего похожего.

– Откуда ты знаешь? Ты никогда не была верхом на звезде.

Я ни на ком не ездила и не собираюсь начинать с мистера «Высокомерная рок-звезда». Я не была девственницей. У меня был секс с единственным парнем за год до того... до того, как я потеряла свое либидо. Мужчины занимали последнее место в списке моих желаний.

Я посмотрела на часы над головой. Полшестого. Мне нужно принять душ и спуститься в холл вовремя, чтобы успеть в концертный зал. Каким образом Алексу и всем остальным удавалось найти силы на концерт после долгого перелета? Хотя они же профессионалы, даже если по ним этого не скажешь.

– Мне нужно идти. Передай мальчикам, что я их люблю. И пришли мне фотографии Зигги. Рано или поздно я найду ноутбук. Уже скучаю по нему.

– Он по тебе тоже. Развлекайся и сделай фотки.

– Обязательно.

– Его члена.

– Не собираюсь, – отрезала я.

– Ну, я хотя бы попыталась. Люблю тебя. Удачи.

– И я тебя, мисс Озабоченность. Чао.

Ирония заключалась в том, что возможность увидеть все прелести Алекса Уинслоу представлялась мне спустя полтора часа после моего разговора с невесткой.

Мы болтались за кулисами перед началом первого концерта. К моему удивлению, Алекс не просил чего-то сверх меры. Гримерки были просторные и чистые, тарелки с фруктами и бутылки с водой стояли рядами на столах, покрытых белыми скатертями, и все. Никакого алкоголя. Никаких вкусоностей. Без джакузи. И даже без стриптизерш, раскачивающихся на железных люстрах. Уинслоу оказался скромным. Он нанимал только тех, с кем дружил с детства, что являлось единственным положительным качеством в его тиранической личности.

Я ходила за ним по пятам в «Сидней-Арене», а он, в свою очередь, играл в игру под названием «Давайте всем скажем, что Инди моя чокнутая фанатка». Каждый раз, когда мы проходили мимо коллег, ассистентов или техников, он смотрел на меня с серьезным выражением лица и говорил:

– Кто-нибудь, вызовите охрану и выведите ее отсюда. Эта пташка следует за мной повсюду, а она даже не в моем вкусе. – Я игнорировала его, зная, что, не ответив, приближаю мини сердечный приступ или развитие язвы.

Не буди Лихо, Инди.

Участники группы находились в своих гримерках, пили газировку и разогревались.

– Почему мне приходится играть с единственной рок-звездой в мире, пытающейся оставаться трезвой? – простонал Элфи из своей комнаты достаточно громко, чтобы мы все услышали.

Блэйк разговаривал по телефону и ходил туда-сюда рядом с нами, а Алекс выглядел так, словно терпеливо дожидался конца света. Он сидел на диванчике, с обидой глядя на гитару: можно подумать, это она была виновата в том, что у него нет свежих, оригинальный мелодий. Вдруг он встал и начал бесцельно бродить по коридору. Группа для разогрева с другой стороны затемненного занавеса репетировала уже четвертую песню, и Алекс морщился каждый раз, когда солист называл толпу «малышами». За исключением этого, его спокойное поведение не изменилось ни капельки. Но тут он свернул направо, в более тесный проход, а я, сохраняя молчание, прошла за ним до уборной.

– И куда это ты собралась? – фыркнул Алекс.

Алекс развернулся, глядя на меня, как на облако кислотного дождя, от которого он не мог спрятаться. Для него, возможно, так и было, что делало мою на него реакцию еще более жалкой. Каждый раз, стоило ему посмотреть на меня, я чувствовала тепло. Будто его глаза – это лучи солнца, ласкающие, целующие и подавляющие мою логику и все здравые мысли. Не поймите меня неправильно, я все еще ненавидела его с той же страстью, которой обычно заслуживают политики, развязавшие мировые войны, но его глубокие янтарные глаза даже не соблазняли. Они манили за собой. Бьюсь об заклад, девчонки не возражали, если это была кухня, ванная комната или даже гараж. И, давайте признаем, даже двор перед домом – и пусть весь мир станет свидетелем.

– Тебе нельзя в туалет одному, особенно перед концертом. Я пойду с тобой, чтобы убедиться, что ты не принимаешь наркотики. Ты знал бы это, если бы прочитал список моих обязанностей. – Я пожала плечами, готовясь к следующему аргументу. Мимо нас проходили звукорежиссеры. Они бросали кабели на пол и нервно кивали Алексу, как строгому директору католической школы.

– А если я хочу по-большому? – Алекс вздернул подбородок, смотря на меня сквозь кончик носа. В его грустных, вездесущих глазах играли задорные огоньки.

Я скрестила руки и повернула бедро.

– Тогда мне нужно напомнить самой себе, как сильно мне нужны деньги, и помолиться, чтобы ты не разделял любовь Элфи к острой еде.

Он усмехнулся, покачал головой и продолжил идти вперед. Я не отставала. Он шел быстро. Может, потому что был ростом с небоскреб. Или ему открылся другой способ испортить мне жизнь. В любом случае мое сбивчивое дыхание вызвало у него улыбку, когда я попыталась догнать его.

– Тебе придется увидеть мой член, – сказал он на полпути спиной ко мне. Я практически бежала.

– Я закрою глаза.

– Это помешает тебе убедиться, что я ничего не принимаю.

– Я видела пенисы и раньше. Твой ничем не отличается.

Я только что сказала «пенисы»? Да. Зачем? Мне не семьдесят. Я не ханжа. Хотя я понимаю, почему он так думал.

– Ошибаешься. Чертовски ошибаешься. Наверное, самая ошибочная фраза, которую ты сказала. Сколько?

– Прости?

Он остановился у двери туалета, которая находилась в нескольких шагах от VIP-площадки. Запах сигарет, пива и хот-догов ударил в ноздри и остался там. А мне стало интересно, каково это – чувствовать аромат алкоголя, но не иметь возможности сделать глоток.

Дерьмо. Может, он чувствует себя как дерьмо. А я только усугубляю положение.

– Сколько членов ты видела за свою жизнь? – Его равнодушный взгляд блуждал по моему телу. – В смысле, тебе сколько? Восемнадцать? Девятнадцать? И ты всегда занята на работе, так что, думаю, где-то от двух до четырех.

– Во-первых, – я подняла большой палец, – мне двадцать один, и я достаточно взрослая, чтобы пить спиртные напитки в любой стране, которая ими торгует, что, конечно, хорошо, потому что, работая с тобой, мне пригодится эта возможность. Во-вторых, – я подняла указательный палец, хоть и нагло врала – я не собиралась пить. Ни сегодня, никогда, – не твое дело, сколько пенисов я видела или со сколькими мужчинами я спала. Даже если мне нравится, когда меня подвешивают за соски к потолку или наоборот кормят с ложечки, пока я обнимаю плюшевого мишку, тебя это не касается. И еще, – я подняла средний палец с милой улыбкой, – очень постараюсь донести это до тебя – твои игры не помогут. Я сохраню эту должность. Привыкай ко мне.

Мы долго смотрели друг на друга, пока Алекс не ударил кулаком в дверь позади меня. Дверь со стуком распахнулась, и мы вошли. Я оперлась о нее спиной, стараясь стоять от него как можно дальше, пока он равнодушно расстегивал джинсы и доставал свой член над сиденьем унитаза. Я еле удерживала взгляд на стене. Звук струи, попавшей в воду, достиг моих ушей, и меня чуть не вырвало.

Слова Нэт стали преследовать меня, как плохая стрижка из восьмидесятых. Иррациональное желание проверить их правдивость захватило меня. И он же не возражал. Согласно слухам, его член видел больше камер, чем Кендалл Дженнер. Медленно, мучительно медленно мой взгляд скользнул вниз по его поджарому телу. Мне просто хотелось узнать, из-за чего столько шума. Что бы я ни думала, реальность оказалась другой. Толстый, длинный, но не отвратительный. С тонкими венами по всей длине.

– Нравится? – он застонал, засунув свой аппарат обратно в трусы. Его профиль был великолепен. Сильная челюсть, пухлые губы, сексуальный взгляд...

Я подняла глаза, когда поняла, что он говорит со мной.

– Я не...

– Смотрела? Смотрела. Сфоткай в следующий раз. На дольше хватит.

Он застегнул ширинку и нажал кнопку смыва кончиком ботинка. Затем повернулся и выдавил мыло на ладонь, почти с остервенением помыл руки – намылив между каждым пальцем и скребя по костяшкам, словно хотел содрать кожу. Закончив, он поискал полотенце.

Я прочистила горло, стараясь прийти в себя.

– Дольше беглого взгляда или твоего выступления?

Обыденно, невыносимо обыденно он вытер мокрые руки о мое фиолетовое платье. Я ахнула и отошла. Мне показалось, что он собирался открыть дверь и выйти, но перед тем, как я хотела наорать на него за использование меня в качестве полотенца, он толкнул меня к стене, уперев руки возле моей головы, загнав меня в угол. Я вскрикнула, удивившись внезапной близости.

Алекс Уинслоу касается меня. Сам. Мозг взорвался от изумления.

Жар его тела заставил меня выгнуть спину, в горле пересохло.

– Давай проясним – я могу трахать тебя, пока ты не потеряешь дар речи и даже не вспомню. Внимание. Новенькая. Если не будешь держаться от меня подальше, я, весьма возможно, это и сделаю.

Я посмотрела на него и улыбнулась, игнорируя тот факт, что, вероятно, была белее снега. Сердце готовилось выпрыгнуть из груди, уязвленное, но непокорное. Никогда еще я не попадала в такую ситуацию. Такую... дикую. Как сама жизнь. Сердце хотело взбунтоваться, а я хотела дать отпор, но это лишь усугубит происходящее.

Помедленней, сердце.

Расслабься, сердце.

Глубоко вдохни, сердце.

– Ты закончил? – прошипела я.

– А ты?

Почему он так пытается избавиться от меня? Мысль спросить его напрямую не единожды посещала меня, но я всегда приходила к одному выводу: кому бы понравилось, что за каждым его шагом следят, да еще и в туалет перед концертом сопровождают?

– Нет, – ответила я.

– Я тоже. – Он оттолкнулся от стены, повернувшись ко мне спиной и запуская пальцы в волосы. Вот ведь правду говорят те, кто пишет любовные романы, которые Нэт читает в ужасающих количествах. Потому что, когда он ушел, его отсутствие чувствовалось повсюду.

В моем теле.

На коже.

Внизу живота, где дремало желание.

– Не пожелаешь мне удачи? – Он схватился за ручку и открыл дверь, плечом врезавшись в кого-то. Он не остановился. Алекс Уинслоу – торнадо, сметающий всех и все на своем пути.

– Ни пуха ни пера, – хрипло произнесла я. Свет проникал сквозь черные занавески на сцене, покрывая его волосы золотистым сиянием. Господи боже. Я закрыла глаза и, опираясь затылком на стену, вдохнула.

Сердце не слушалось меня. Оно билось все сильнее.

Двадцать минут спустя Алекс вышел на сцену, а я направилась в его гримерку, собираясь поспать. Перелет из Северной Америки и смена часовых поясов вымотали меня. Я знала, что нужно пережить это, но, если я задремаю, это не станет концом света. Блэйк тоже был там, спиной ко мне, разговаривал по телефону. Он не мог видеть меня, вот почему он кричал и размахивал руками. Я глубоко вдохнула, заявляя о своем присутствии, но голос Блэйка раздавался в пустой комнате.

– Да, Дженна. Да. В сотый раз: все под контролем. Мы слили фотки, и теперь он думает, что из-за этого не пускаем его в Интернет. Все интервью и публичные выступления отложены на время турне. Он ничего не подозревает. Он даже девчонку эту не помнит, которая их сделала. – Блэйк остановился, слушая агента Алекса на другом конце.

Кровь застыла в венах. *Они* выложили те фотки?

Потом я вспомнила разговор с Лукасом. Речь шла о диверсии... о том, чтобы удержать Алекса офлайн. О встрече с Уиллом Бушеллом... *вот блин.*

– Слушай. Слушай... *Да послушай!* Черт возьми, женщина. У тебя яйца размером с арбуз. Ты хоть понимаешь, что это некрасиво? И прежде чем ты что-нибудь скажешь: да, я осознаю, что не являюсь единственной целью твоей жизни. Мы выиграли достаточно времени. Он не проверит, потому что ему плевать. На все. Вообще. Его хрен мог оказаться на обложке *Vogue* в берете и с сигаретой, торчащей с конца, а он даже не узнал бы его, проходя мимо газетного ларька. Он рок-звезда, Дженна. Не неудачник из реалити-шоу, которого никто не знает. – Блэйк вытер лицо, потом повернулся и уставился прямо на меня. Его телефон все еще был прижат к уху, когда он сказал:

– Так, почти никто. Нянька знает. Сейчас улажу. Пофлиртуем позже?

Судя по стону Блэйка, трубку бросили. Руки так и чесались залепить ему пощечину, а я не могла понять причину. Мне не нравился Алекс, но это не значит, что мне нравилась мысль о предательстве его команды. Черт, мне даже не хотелось быть частью так называемой команды, и я все еще считала эту затею дерьмовой. Люди, которым он доверял, обманули его. Почему они продали его? Может, они хотели, чтобы он сорвался?

– Все совсем не так. – Он поднял руки вверх, лицо сморщилось в гримасе.

– Говоришь, как изменяющий муж, так что отвечу, как жена, которой изменили: все именно так. – Слова прозвучали изнутри. Они были злыми и хрипыми. – Вау. Какие вы... неблагодарные.

– Ты не понимаешь, как много поставлено на карту. Алекс одержим Фэллон. Если он узнает, что она помолвлена с его заклятым врагом, то покатится по самой страшной нисходящей спирали. Ты потеряешь работу. Турне закончится, так и не начавшись. Его карьера, скорее всего, завершится, не говоря уже о том, что ему придется заплатить миллионы долларов за нанесенный ущерб. Мы не можем просто сказать ему, чтобы он не заходил в Интернет два с лишним месяца без каких-либо объяснений. Мы делаем все возможное, чтобы помочь ему. Все, кому он небезразличен, участвуют в этом. Его семья, друзья, члены группы. Все. Ты все испортишь и, клянусь, Инди, наживешь себе множество врагов в Голливуде. – Блэйк указал на меня рукой с телефоном.

Я моргнула, недоверчиво глядя на него. Он что, серьезно?

– Блэйк, – я сделала шаг, – не важно, как ты это объяснишь, ты врешь клиенту. Своему бывшему соседу. *Другу*. Можешь оправдываться до конца дней, но все равно ты слил его интимные фотки, чтобы удержать его от выхода в Интернет, и это паршиво.

– Не я. Одна из его девок на ночь. Мы заплатили ей, и часть денег отправилась на благотворительность, так что не все так уж паршиво.

– Ты пристыдил своего друга, и тот факт, что он не чувствует себя жертвой, не отменяет той истины, что он – пострадавшая сторона.

– Не прикидывайся святошей, Индиго. Часть твоей работы – ходить с ним в уборную. Ты тоже едешь в этом поезде, девочка. То, что твоя совесть меньше запятнана, не значит, что она чиста.

Глаза мои округлились.

– Я скажу ему. – Я топнула ногой, словно хотела раздавить несуществующего таракана.

– Тогда уходи, – невозмутимо сказал Блэйк. Выражение его лица из тревожного и настоящего стало воинственным в мгновение ока. Он сделал шаг навстречу мне, сокращая расстояние между нами. Я чувствовала его дыхание – корицу и фруктовую жвачку. Свежий и легкий аромат, для которого Алекс был слишком сексуален.

– Стоит ему узнать правду, он бросит все и побежит за наркотой. А при таком раскладе нам больше не понадобятся твои услуги, Зигги не получит необходимую ему медпомощь, а Крейг так и останется жалким неудачником, пристрастившимся к содовой. Подумай, перед тем как натворить глупостей, Инди. Ты можешь очень легко разрушить свою жизнь.

Я уставилась на Блэйка.

Он вздернул подбородок и одарил меня жестким взглядом.

Он знал. Знал все о моей семье, о наших финансовых проблемах, даже о шунтах для Зигги.

Откуда, мать его, он в курсе?

Я проходила анкетирование в отделе кадров при устройстве на работу. Девушка с педикюром задала мне две сотни вопросов, на все я ответила честно. Ей наверняка заплатили. Теперь у Дженны и Блэйка имелись рычаги давления на меня. Может, и у Алекса тоже. Черт, насколько мне известно, всем участникам турне было известно о моих нуждах и проблемах племянника.

Чувствуя, как кровь закипает от гнева настолько, что меня затошнило, я развернулась и вылетела из примерки Алекса. Я уже не хотела спать и не ощущала смены часовых поясов.

Я проснулась.

Дрожала, как и мое непокорное сердце.

Сгорая заживо.

Глава пятая

Алекс

Один – число одиночества,
Поэтому ты сказала, что нам вдвоем лучше быть,
Но как оказалось, детка, обо мне тебе легко позабыть.
И забавно ведь то, что если вернешься ты, я приму тебя и прощу,
Вот только сердце твое будет разбито, когда я первым тебя отпущу.

Все хотят быть рок-звездой. Это почти как стать божеством, но люди всегда забывают, что у бога куча дел.

Бог созидает. Двадцать четыре чертовых часа семь дней в неделю.

Богу поклоняются.

От него ждут ответов, успокоения, исполнения просьб.

И когда же ему спускаться на землю и общаться с людьми? Бог вынужден разочаровывать.

Понимаете, когда ты рок-звезда, фанаты подпитывают твои ожидания.

И ты почти всегда жадно проглатываешь их и просишь добавки.

Потому что тебе хочется верить, что ты гений, чьи тексты бессмертны, чьи мелодии пронзают насквозь. Хочется быть незабываемым, неотразимым и уникальным. И не хочется верить, что после этого ничего нет, но это так. Ты можешь быть отчаянным ублюдком с миллионами в карманах и каждую ночь трахать разных моделей, но в итоге ты всего лишь человек.

Да, простой человек. Но другие хотят видеть в тебе нечто большее. Вот как я оказался здесь. Там, где я нахожусь сегодня. Я стал тем самым смехотворным клише, над которым надсмехался в юности. Никому не нужный алкоголик-наркоман, который никогда не бывает один, но всегда чувствует себя смертельно одиноким.

Первый раз я обрел настоящую близость не когда в четырнадцать лет переспал с Лорой, дочерью водителя грузовика, на скамейке в парке Кассиобери. Я ощутил ее, стоя перед тысячами незнакомцев и исполняя свои песни. Умоляя их полюбить меня. Поверить в меня. Поддержать. И. Они. Дали. Мне. Это.

На сцене ты чувствуешь себя абсолютно голым.

Даже несмотря на то, что позади меня Вэйтроуз и его барабаны и Элфи расхаживает со своей бас-гитарой, на сцене я был практически один. И они. И свет. И слава.

Пот капает на гитару. *Секс.*

Мышцы напрягаются, чтобы создать идеальную гармонию. *Кульминация.*

Они видят меня, чувствуют меня. Они меня слышат. *Блаженство.*

Заниматься сексом с десятью тысячами человек каждую ночь – нелегкая работа. Вот почему мне нужен был небольшой допинг, чтобы моя производительность оставалась на одном уровне с моими собственными недостижимыми стандартами. Я выходил на сцену, когда в моих венах дури было больше, чем тромбоцитов. Я был на высоте. А когда ты на высоте, тебе не понять, как хреново низко ты падаешь. Девяносто дней реабилитации, и я чист. В основном физически.

Я дал своим слушателям самое лучшее. На «Яд и стихи» меня вдохновила Фэллон, разтерзав мне сердце и скормив его волкам из таблоидов. А еще это одна из последних приличных песен, написанных мной до того, как я стал слишком зависим, и разум мой так затуманился от наркотиков, что я не смог создать ничего путного. Теперь, в завязке, мне было интересно, не потерял ли я творческую жилу вместе с наркозависимостью.

Сойдя со сцены, первой, кого я увидел, была Новенькая. Она и ее большие глаза, и узкие, в форме лука Купидона губы, и фиолетовое платье-клеш. Складывалось впечатление, что она вышла из фильма в стиле нуар прямиком в неидеальные объятия этой производственной площадки. Ее одежда бросала мне вызов, от которого мой член напрягся, и мне стало интересно, хотел ли я трахнуть мою компаньонку, чтобы избавиться от нее, или забрать ее себе, пока меня не опередил Лукас.

На ее лице, как всегда, читалось раздражение, поэтому я обошел ее и направился в гримерку. Адреналин закипал под кожей, и я запрокинул голову, обхватив ладонями затылок. Концерт прошел отлично. Нет, черт возьми. Это было великолепно. Я знал это, потому что я был там – на самом деле, а не под кайфом, как раньше, в невидимом облаке ложной самоуверенности.

Я хотел писать.

Мне нужно было писать.

В одиночестве.

Блэйк, Новенькая, две фанатки, которые пробрались за кулисы, и местный пиарщик тащились за мной в гримерку, но я захлопнул дверь прямо перед их носом, не утруждая себя объяснениями. Когда муза бьет тебя по яйцам, ты приползаешь назад и просишь ее ударить сильнее, быстрее, крепче.

Заставь меня истечь кровью. Заставь меня дышать ради этого, жить ради этого, а потом умереть. Заставь потерять разум и обрести душу. Твори свою магию, Муза. Но не заставляй меня ждать, как раньше. Я звал тебя, чтобы ты вытащила меня из пустоты. Ожидая, что ты явишься без предупреждения, как нерешительная любовница.

– Уинслоу. – Новенькая постучала в дверь несколько раз и отнюдь не вежливо. – Открой дверь, или я позвоню мисс Холден. – От меня не скрылось отсутствие слова «пожалуйста». Жаль, что она начала адаптироваться к новым условиям, ибо я не собирался ее оставлять. Я откинул голову назад и закрыл глаза. Для творчества мне нужно уединение. Лучшие слова приходят в тишине.

– Убирайся, – рявкнул я.

– Поверь мне, проводить время с тобой – далеко не первый пункт в списке моих желаний. К сожалению, крутиться вокруг тебя – часть моих обязанностей. Тебе не разрешено оставаться одному, да еще и за закрытыми дверями.

– Можешь ли ты стать еще надоедливее?

– А ты можешь стать еще большим козлом? – Она шлепнула ладонью по двери. – Открывай. Живо!

– Ой, ты делаешь паузы между словами. У меня действительно неприятности, – прорычал я из-за двери, пнув кофейный столик в другой конец комнаты. Он врезался в стену, и одна из его ножек отломалась.

Отлично, блин. Мне не нужно еще больше проблем с Дженной.

Я вздохнул, встал на ноги и распахнул дверь. Фанатки, Блэйк и несколько звукооператоров стояли позади Новенькой, с любопытством заглядывая ей через плечо. Я сделал шаг в сторону, уступив ей дорогу, но ей придется потрудиться.

– Она не может без правила «Н». Мне приходится мириться с этим круглые сутки все дни напролет. – Я насмешливо ухмыльнулся, когда она закатила глаза и протиснулась мимо меня. – Ничего не трогай. Ни на что не смотри. Если это возможно – даже не дыши. Это было бы просто идеально.

Я подписал альбомы, постеры и сиськи, а затем, как только ушли фанаты и техники, захлопнул дверь перед носом Блэйка. Он промямлил что-то про Интернет и фотки члена, но я вытолкнул его. Я ценю беспокойство, но кого, черт возьми, это заботит? Если уж на то пошло,

то мое хозяйство уже стало общественной собственностью. Все, кто не был фанатом или подростком, имели возможность прокатиться и сделать селфи.

Я вернулся на диван, взял блокнот и ручку и нахмурился над пустой страницей. Новенькая стояла у окна спиной ко мне и смотрела на гавань. Я пытался вспомнить последний раз, когда оставался в комнате с девушкой, которая не была моей мамой или сестрой, не затолкав член в ее горло так глубоко, что у нее не получалось вздохнуть. Нахмурившись еще больше, я уставился на бумагу. Мысленно ходил по комнате и колотил по стенам.

Муза исчезла.

Новенькая убила ее.

Дерьмо.

Я откинулся на спинку, разглядывая ее серебристо-голубые волосы, которые уже не были заплетены в косу и струились вниз прямым к ее маленькой круглой заднице. Если бы я не собирался писать, то мог бы потратить время на обновление своей коллекции порнографии. Я знал, что мог пойти на любую вечеринку, на которую наверняка отправились члены группы, но это было невозможно по двум причинам: а) Новенькая поперлась бы со мной, а это слишком неловко, и б) я признавал, что для того, чтобы обуздать желание закинуться дурью и выпить, мне придется остаться дома. Мой агент отрежет мне яйца, высушит их и станет использовать их как мини-сумочки, если я появлюсь рядом с алкоголем или наркотой.

– Сфоткай. На дольше хватит. – Новенькая бросила мне мои же слова. Четко очерченная луна выглядывала у нее из-за плеча. – Я вижу твоё отражение в окне, – объяснила она с грустью в голосе.

Наши взгляды встретились. Время застыло.

Я все еще ненавижу ее.

Все еще хотел, чтобы она ушла.

Но впервые с момента ее появления я задумался о том, что она, возможно, не так бесполезна, как я подозревал. Это все из-за изгиба между шеей и плечом. Мне хотелось укунить ее, выпустить кровь и написать слова следующей песни этими чернилами. Самое странное во всем этом было то, что я думал о таком не под кайфом.

– Ты прогнала мою музу. – Мой голос звучал низко, лениво и слегка раздраженно. Даже для меня.

– И? – Она даже не повернулась.

– Теперь ты должна мне. Хорошо, что ты в моей власти.

– В твоей власти? – повторила она, усомнившись. – Я не твоя рабыня, Уинслоу.

– А вот и нет. Ты моя на три месяца. У меня подписанный контракт в доказательство, и сейчас я возьму твои мысли и запишу их в свой блокнот, потому что у меня внутри, в отличие от тебя, пусто.

Было странно произносить правду вслух. Правду шепчут, а не выкрикивают, но мне было плевать на ее мнение. Я встал и схватил свою кожанку.

– Встретимся у твоего номера в отеле в полночь, – сказал я.

Она открыла рот. Но я не стал слушать.

Мне нужно вернуть музу и написать альбом.

Каждый сингл которого окажется на вершине Billboard и сделает его моим.

Вернет мне титул короля альтернативной музыки, забрав его у этого придурка Уилла Бушелла.

И все, что было моим. Всегда принадлежало мне. *Фэллон.*

Даже если мне придется жульничать или шагать по головам, чтобы получить желаемое.

Ноги выпрямлены и скрещены в лодыжках, Таня в руке, пальцы перебирают лады, когда я пытаюсь сочинить мелодию. Спиной я оперся на дверь, глядя прямо на вход в комнату Новень-

кой. Наши номера располагались напротив друг друга. Дженна попросила Хадсона, моего личного ассистента, удостовериться, что во всех наших отелях Новенькая всегда будет не далее чем в десяти шагах, а может, и ближе.

В пять минут первого она открыла дверь и вышла.

На ней были красные шорты в клетку и серая толстовка с названием колледжа, который она не могла себе позволить. Я подбородком показал ей сесть, и она подчинилась. Ее лицо, чистое от макияжа и масок, восхищало. Облокотившись спиной о дверь, она сползла вниз на пол и прижала колени к подбородку, глядя на меня. Я не мог решить, есть ли у нее характер или его, наоборот, слишком много. Я собирался это выяснить.

Я продолжил перебирать струны гитары, не обращая внимания на красный ворсистый ковер и неброский коридор, и представил, что мы где-то в другом месте. В доме, на пляже или на мощеной лондонской улочке, и запах дождя щекочет наши ноздри.

– Зачем я здесь? – спросила она.

– Я задаю себе тот же вопрос. – Я уставился на свои мозолистые пальцы, бренчащие по Тане, прежде чем поднять взгляд. – Ты так держишься за эту работу. У тебя неприятности?

– Нет, – ответила она, не удивившись моей прямоде. – У меня есть племянник. Его родители не могут найти постоянную работу, а он заслуживает большего. Больше, чем мы можем ему дать сейчас. Больше, чем постоянная ушная инфекция. Больше, чем дешевое молоко, срок годности которого истек два дня назад. Просто... больше.

Выпятив губу, я обдумывал ее ответ. Я не особо заботился о своей семье. На самом деле больше всего в этом турне, наравне с попытками написать новые песни, меня пугала вероятность увидеть маму, папу и старшую сестру Карли. Если я вообще с ними встречаюсь.

– Как его зовут? – спросил я, не зная почему. У меня не было причин изображать вежливость, особенно с людьми, которым я платил.

– Зигги. – Она улыбнулась. Ее улыбка не раздражала. С ямочками на щеках, искренняя, без ботокса. Большие губы. Маленькие зубы. Мне нравились такие. Недостатки были минимальны. Эффектная. Чистая. Индиго была симпатичной. Как исчезнувший закат, красивый, но принимаемый как должное.

– Как альбом Дэвида Боуи? – Мои брови сдвинулись. Я сыграл пару нот на Тане, и они имели смысл. Возможно, я вспомнил песни «Starman» или «Rock 'n' Roll Suicide». Хотя и звучало по-другому, свежо.

– Мой брат его фанат. – Она подняла взгляд и рассеянно стала жевать нижнюю губу. – Зигги два года. Умный, забавный и добрый. Я всегда говорю ему, что он – Зигги, а я...

– Стардаст¹⁷, – закончил я, составляя из нескольких нот мелодию в голове. Конечно, я не переоделся после концерта. И, разумеется, от меня воняло, как от обоссанного переулка в Лондоне. – Теперь помолчи.

Она не огрызнулась. Вместо этого она начала заплетать маленькие косички, а я придумал что-то... новенькое. Я закрыл глаза. Пальцы слегка дрожали. Создать хорошую мелодию равносильно находке цветка в пустыне. Невероятно, редко, волнующе. Я играл несколько минут, затем снял ремень Тани с плеча и прислонил гитару к двери. Я взял маленький блокнот, достал маркер из заднего кармана и начал записывать ноты. Когда я оторвался от этого занятия, Новенькая все еще плела косы. Беспокойное выражение ее лица говорило, что ей меня жаль. Эта мысль показалась мне тревожной.

– Расскажи о себе. – Я проигнорировал ее любопытный взгляд.

– Что конкретно тебя интересует?

– Что делает тебя тобой? Твоя личность. Твои секреты. Твои причуды.

¹⁷ Stardust (англ.) – Звёздная пыль.

Другая на ее месте захихикала бы, сменила тему или включила бы дурочку. Но только не она.

– Я левша. Ненавижу клоунов. Люблю шить платья. Так я могу... – Она посмотрела вверх, подбирая слово. – Сосредоточиться.

Я снова взял Таню, медиатор бесцельно заскользил по струнам.

– Что еще?

– Я не зарегистрирована в соцсетях. Если бы я могла изучать что-то, то это была бы мода. Я работала в комиссионном магазине в Беверли-Хиллз, он назывался «Экономный», владела им женщина семидесяти лет по имени Клара. Потом она его закрыла, чтобы проводить больше времени с семьей. Работа в этом магазине была и остается работой мечты.

Она посмотрела на меня так, словно ее мечты были слишком маленькими и незначительными для меня. Зуб даю, она не знала, что в мои планы не входило становиться завсегда-таем таблоидов. Первоначальная цель была куда более романтической. Меня в этот мир привел друг детства, Уилл. У нас была группа – «Криптонит», – пока мы не решили начать сольную карьеру и жить вместе в Лондоне, впятером – я, Уилл, Элфи, Блэйк и Лукас. Мне хотелось играть музыку стиля инди, а Уилл получил предложение о создании мейнстримной музыки. Это он подтолкнул меня к сотрудничеству с «Грейпвайн Рекордз». Он сделал меня мной, во всех смыслах.

Мои пальцы двигались быстрее, в погоне за ритмом, забытой песней, что всегда была в моей голове. Вот почему я просил ее прийти в коридор. Нейтральная территория. Не в наших комнатах, где все мои мысли крутились бы вокруг секса с ней. Мне нужны ее слова, мысли, присутствие. Я хотел высосать ее душу и изложить ее на бумаге, облачить в мои тексты, чтобы те деньги, которые я ей заплачу, мне вернулись. Потому что она была невинна. И решительна. И так бесила меня, что ковыряться в ее мозгу казалось мне необходимостью.

– Продолжай, Стардаст, – я надсмехался над ней. Она знала это. Это не прозвище. Это была попытка копнуть глубже.

– У меня есть брат. – В разговоре со мной она опустила гибель родителей; члену моей группы она охотнее все рассказала. Возможно, во мне она видела врага, а в Лукасе – друга. Глупая, глупая девчонка. – Я повсюду езжу на велосипеде. – Она сделала паузу, верхние зубы опять впились в губу. – И я должна тебе что-то сказать, но не уверена, что это мое дело.

Я уставился на нее после последней фразы.

– Что ты можешь знать из того, чего не знаю я?

– Ой, блин. – Она вздохнула, качая головой. – Слушай, я всего лишь хочу тебе помочь.

– И ты помогаешь. Ты делаешь все, разве что не меняешь подгузники, и следишь, чтобы я держал свой нос подальше от наркоты. На этом твоя работа закончена. Ни больше, ни меньше.

Она нагло посмотрела на меня, ее взгляд говорил, что она знает, что я пытался сделать. Я отталкивал ее, предоставляя ей последний шанс уйти, но мое сердце этого больше не хотело. Во всяком случае, не сейчас. Она не двигалась с места, нравилось мне это или нет, и меньшее, что я мог сделать, – использовать ее, пока ничего не останется. Как Фэллон использовала меня.

– Ты раздражаешь меня настолько, что иногда мне хочется заплакать, – она стиснула зубы.

Я улыбнулся, зная, что мне предстояло сделать много записей. Пора было заканчивать наш разговор. Она оказалась более продуктивной, чем я ожидал. Она – все, что мне так нужно. Ночь пройдет за творчеством.

Я встал на ноги, обхватил пальцами гриф Тани и наклонился вперед, заглядывая в лицо Инди.

– Когда я, наконец-то, коснусь тебя, а это обязательно случится, Стардаст, ты будешь плакать и кричать. И выкрикивать мое имя. Снова. И снова. И снова.

Глава шестая

Инди

Мельбурн, Австралия

Прошло два дня после наших посиделок в коридоре.

Два дня, за которые мои отношения с Алексом слегка улучшились, за исключением того, что он убивал во мне всякое желание рассказать ему о слитых интимных фотках и помолвке Фэллон. Он уже не так активно издевался надо мной. Он вообще предпочитал не замечать меня. Я тенью ходила за ним, как преданный щенок, что неумолимо убивало мое самоуважение. Следующие пару дней мы провели в пути из Сиднея в Мельбурн, останавливаясь в каких-то пустынных городках, в которых нам подавали барбекю-ребрышки и чай со льдом. Алекс большую часть времени провел на заднем сиденье внедорожника и стонал от отчаяния, пытаясь извлечь из себя хоть строчку. Иногда он был бодрым, оживленным и разговорчивым. Но все же большую часть времени он пребывал в дурном настроении. Блэйк постоянно висел на телефоне, ругаясь с Дженной и Хадсоном, то и дело кидая в мою сторону предупреждающие взгляды. У Элфи было задание – следить, чтобы Алекс не выходил в Интернет с телефона, поручение, к которому он отнесся на удивление серьезно. Казалось, Алекс совершенно не возражал против отключения от виртуального мира. За время, проведенное вместе, я заметила, что он не делал никаких личных звонков, что было странно, но это не мое дело.

Мы с Лукасом стали ближе.

Частично от того, что он был самым приятным человеком из группы, но больше потому, что я хотела избавиться от своего одиночества, как от тяжелой ноши. Лукасу двадцать семь лет. Как и Алекс, он из Уотфорда. Его отец работает в городском совете; мама – учительница. У них с братом и сестрой была собака по кличке Харви. Он знаком с Алексом с детства, а переехал в Лос-Анджелес из Лондона только три года назад, после того, как разорвал помолвку с Лорой, одной девушкой из Англии. По всей видимости, у Алекса было что-то с Лорой, когда они были подростками. И, скорее всего, Лукас немного злился из-за этого. Машину вел все тот же молчаливый тип, который забирал нас из аэропорта.

– Алекс любит рассказывать историю, как он лишил Лору девственности, а мне остались лишь объедки, – сказал Лукас, пока мы ехали по пустыне.

Я положила ладонь ему на руку и сжала ее.

– Мне жаль. – Мне правда было жаль, но Лукас выглядел совсем не расстроенным. Время от времени он бросал взгляды на Алекса, будто пытался оценить его реакцию.

– Не стоит, – Элфи встрял в разговор откуда-то сзади, где он сидел с Алексом. – Уинслоу только однажды так сказал – *однажды*, – он просто так это ляпнул. К тому же думаю, что Вэйтроуз разлюбил ее еще до того, как она натянула трусы после их последнего секса. Ты никогда по-настоящему не был в нее влюблен, дружище. Мы все это знаем.

Что-то произошло между ними тремя – Блэйком, Элфи, Лукасом – тайна, судя по их взглядам, которые они бросали друг на друга.

Блэйк хихикнул.

– Лора – наименьшая из проблем Лукаса.

Завеса беспечности Алекса сегодня была плотно зашторена, и он даже не прокомментировал ситуацию.

Дождь начал стучать по крыше, и, когда мы въехали в Мельбурн, слышались раскаты грома. Город отличался от Сиднея. Может, был старше. Наши действия повторились: мы покружили вокруг отеля минут двадцать, пока не освободили дорогу. Алекс опять остановился, чтобы подписать фанатам футболки и сувениры, щурясь от дождя и с улыбкой на лице. Блэйк

раздал наши электронные карты. Этаж был закрыт и зарезервирован для Алекса Уинслоу и его персонала. Мне стало ясно, что такая практика для этих ребят – привычное дело. Для них такой распорядок дня уже стал естественным. Удивительно ли, что все они были циничными и измученными? Ничего не привязывало их к одному месту. Они плыли по течению жизни. Притяжение – не про них.

– Эй, Инди, – сказал Лукас, когда все направились к лифту. Блэйк печатал длинное сообщение, Алекс перекидывал ремень гитары с одного плеча на другое и стряхивал капли дождя с волос, а Элфи притворялся, что чешет нос, хотя все видели, что он в нем ковыряется.

– Да?

– Хочешь прогуляться? Концерт только завтра, а дождь вот-вот закончится.

Я повернула голову в сторону Блэйка. Я не могла взять отгул и шататься по округе. Мне нужно нянчиться с Алексом. Если только Блэйка не было рядом с ним, а большую часть времени он оставался поблизости. Блэйк почесал висок самой важной частью своего тела – телефоном.

– Сегодня суббота, друг. Ей что, совсем нельзя отдохнуть? – Лукас слегка толкнул его локтем.

Алекс сцепил пальцы под челюстью, взгляд был направлен на Блэйка, который в свою очередь смотрел прямо на певца.

– Давай поговорим об этом наедине, – загадочно сказал Блэйк, убирая телефон в передний карман и избегая взгляда Алекса. Я почувствовала себя так неловко, что холодок побежал по коже.

– Хорошо. – Я откашлялась, каждая феминистская косточка в моем теле требовала действий, даже малейших. – Не стесняйтесь обсуждать свои планы касаясь меня за закрытыми дверями, где я ничего не услышу.

– В этом и суть, – отчеканил Алекс.

– Алекс, – предупредил Блэйк.

– Да хватит уже. Он с первого дня пытается залезть ей под юбку. Мы это уже проходили.

Лифт остановился, и мы вышли, каждый направился к отведенному ему номеру. Лукас пошел с Блэйком и Алексом, последний отказывался признавать существование первого. Алекс указывал на предметы и называл соответствующие песни. Когда мы вышли из лифтов, он вспомнил «Elevators» группы U2; «Stairway to Heaven», когда мы прошли мимо запасной лестницы, и «God Only Knows» когда мы прошли мимо огромной картины «Портрет бога».

– Не говори нашим старым друзьям Полу и Джону, что я исполнял The Beach Boys, – сказал он, внезапно повеселев. – Хотя, думаю, они не обидятся. Это Брайан Уилсон был недоумен успехом битлов, а не наоборот.

– Перестань умничать, – фыркнул Блэйк.

– Я не умничаю. Для меня все равны. Думаешь, у меня нет претензий к ливерпульской четверке? Они вдохновили Bee Gees и Oasis. Это должно быть запрещено в некоторых странах.

– Конечно, ты станешь единственным человеком на земле, у кого будут претензии к The Beatles, – харкнул Элфи. – Задрот.

Когда они подошли к своим номерам, а я уже стояла возле своей двери, чутье подсказало мне, что нужно обернуться. Я так и сделала, но лишь для того, чтобы удостовериться. Алекс украдкой смотрел через плечо на меня, как на врага. Он скинул свою равнодушную маску, и я заметила его уязвимость.

Безоружность.

И неприкрытую чистоту.

Я приложила электронный ключ, и смотрела, как маленькая точка загорается зеленым.

Впервые с нашей встречи именно я закрыла перед ним дверь.

Как ни забавно, я думала, что почувствую себя хорошо, оказавшись на грани триумфа. А на самом деле, когда дверь за мной закрылась, единственное, что я ощутила – разочарование.

Алекс

– Нет. – Осушив всю бутылку воды, я упал в очередную незнакомую кровать, от которой воняло другим порошком. – И это мой окончательный ответ, так что можешь тащить свою жалкую задницу в другой конец этажа и зализывать свои раны там, где я тебя не увижу.

Блэйк и Лукас стояли надо мной, и, судя по их лицам, они считали, что я веду себя неразумно, хотя разум был явно на моей стороне. Я не винил Лукаса за то, что он хотел завладеть Стардаст. Она, как оказалось, была вполне желанной. Но если я мог что-то разрушить в его жизни, я с удовольствием сделаю это. Два года назад, когда я отправился в турне, а Фэллон осталась в Лос-Анджелесе, Лукас – которого я нанял и поддержал, с кем вырос, делил квартиру, машину, а иногда и зубную щетку, – остался там, чтобы помочь ей сблизиться с Уиллом Бушеллом. Не знаю почему, но догадываюсь, что дело в Лоре. Я спал с ней задолго до того, как ее заметил Лукас. Даже задолго до того, как он ее встретил. Полагаю, он приехал в Лос-Анджелес сразу после разрыва помолвки, озлобленный, готовый мстить, и решил все это выплеснуть наружу.

И вот, действуя как киношный злодей, Лукас подружился с Фэллон, стал одним из самых близких ей людей и каждый день, пока меня не было рядом, толкал ее все ближе в объятия Бушелла.

Лукас не успокоился, пока когти Уилла окончательно не сомкнулись на Фэллон.

Когда я думаю об этом, то понимаю: Вэйтроузу совсем не место в моем турне. Он лживый, двуличный мерзавец. Но когда Уилл начал встречаться с Фэллон, группа разделилась, мне нужно было объединить наших общих товарищей и убедиться, что они на моей стороне.

Таким образом, то, что Лукас оказался здесь, было вовсе не ради него. А ради того, чтобы Уилл не смог общаться с ним или с кем бы то ни было из моих друзей детства. Если бы я мог соблазнить мать Уилла и вынудить ее отказаться от него, я бы обязательно это сделал. Но это слишком, да к тому же мне нравился отец Уилла – разве что кроме его горячей любви к «Манчестер Юнайтед». К черту их.

В любом случае Лукасу не светит секс с моей горяченькой нянькой.

– Почему нет? – спросил Блэйк.

Я посмотрел на него. С каких это пор Блэйк стал беспокоиться о том, что не имело отношения к моей карьере или попыткам присунуть моему агенту?

– Лукас знает, – рыкнул я.

Блэйк тоже. Он постоянно отговаривал меня, когда я внезапно загорался желанием уволить Вэйтроуза.

– Вообще-то нет, – сказал Лукас, скрестив руки на груди и облокотившись плечом на дверь. – Поясни, пожалуйста.

– Из-за того, что ты толкнул Фэллон к Уиллу, чтобы отомстить мне за Лору.

– Пора бы уже прекратить эту фигню. Фэллон взрослая девочка. Она выбрала Уилла.

– Фэллон одержима. Она выбрала бы любого, кто оказался бы более выгодным в тот момент, – ответил я.

– Вот почему ты хочешь вернуть ее? Какая жалкая цель. Женщина, готовая быть с любым, кто больше ей предложит, – крикнул Лукас. Он выглядел таким же злым, как и я, может, даже больше.

– Ты дал ей номер Уилла, отвез ее к нему, когда у нее сломалась машина, а потом сказал ему, где ее найти. Когда она переборщила с дозой, ты сказал Уиллу, в какой она больнице, пока я был в турне. Кто так поступает? Кто?

– Порядочный человек? – Лукас моргнул, притворяясь невинным. – Уилл хотел поддержать друга в беде. Ты был в автобусе, направляющемся на юг, пересекая множество штатов. Слушай, это не имеет никакого отношения к Инди.

Я соскочил с кровати, энергия была ключом, и я не мог сохранять спокойствие. Тело затекло от долгой поездки в машине, и мне нравилась возможность размяться, съездив Лукасу по морде.

– Утомонись, святой Лукас. Я не верю тебе. Нет, ты никуда не пойдешь с Инди. Нет, ты не будешь флиртовать с ней, добиваться ее или спать с ней. Она моя.

– Она тебе даже не нравится! – Лукас толкнул меня, а я толкнул его в ответ. Черт побери, разве это вообще имело значение?

– Она все равно будет моей. – Я насмешливо улыбнулся. – Но не волнуйся, я расскажу тебе, какая она. В конце концов, мы же друзья.

Блэйк встал между нами, будто по команде.

– Хватит, парни. На сегодня пора заканчивать ссать тестостероном друг на друга.

– Я собираюсь трахнуть ее. – Я смотрел на Лукаса, который теребил волосы от волнения. Добро пожаловать в «Список подлостей». Это как добрые дела, только для сволочей. Все мышцы в теле напряглись, я приготовился к драке. Боль Лукаса была реальной, и это удивило меня. Почему он так беспокоится о Новенькой? Он же едва знает ее. – Я пересплю с ней и позабочусь, чтобы тебе мало чего досталось. Что скажешь, Вэйтроуз?

Он вздохнул и выбежал из номера.

Я хохотал, направляясь к ванной, и у меня даже пропало желание утопиться в ней. Не сегодня.

Сегодня я зажег сигарету, уставился в потолок и, выпуская дым из ноздрей, подумал об очередной подходящей песне.

«Smoke on the Water».

Инди

Дженна: Индиго. Это Дженна.

Инди: Привет, Дженна. Пожалуйста, зовите меня Инди!

Дженна: Хадсон тоже в этом чате. Это же ничего, Индиго?

Инди:...

Инди: Да, ок.

Дженна: Как дела у Алекса?

Инди: Справляется без особого энтузиазма.

Хадсон: Привет, Инди! Слышал, Алекс писал новую песню вместе с тобой.

Дженна:???

Хадсон: Он не спал всю ночь и сочинял. Говорит, у него прорыв. Он отправил мне голосовое сообщение примерно в четыре утра по австралийскому времени.

Дженна: Он рок-звезда. Ему не обязательно спать. Это хорошо. Индиго, расскажи нам об этом.

Инди: Да не о чем рассказывать. Он просто задавал вопросы про мою жизнь. Я не могу посмотреть, что он написал, да и спрашивать его бесполезно.

Хадсон: Еще бы. Алекс терпеть не может расспросы. Только если вопрос риторический, хотя и вопросы в лоб ему не особо нравятся. Что не сулит мне успеха в качестве его личного ассистента.

Дженна: Хадсон, ты болтун. Индиго, докладывай. Скорее.

Инди: Инди.

Хадсон: Пока, Индиана.:)

Стук в дверь напугал меня.

Булавкой я уколола палец и слизнула кровь, вставая из своего уголка возле окна, где занималась шитьем. Да, я та девушка, которая берет мини швейную машинку в кругосветное путешествие. Я всегда шила себе платья, потому что купить что-то понравившееся нереально. Клара, моя бывшая работодательница, была довольно добра и отдавала мне остатки ткани каждый раз, когда работала над какой-то моделью. А у нее всегда были излишки, и поэтому я одевалась так, будто собиралась на викторианский бал.

Я открыла дверь, ожидая увидеть Блэйка. Когда ему приходилось покидать номер, который он делил с Алексом, он звал меня или заходил ко мне, пока Элфи или Люк присматривали за рок-звездой. Обычно он молча смотрел, как я надеваю свои оксфорды и ворчу. В этот раз я ошиблась. Это был Лукас.

– Привет. – Он засунул руки в передние карманы, а в улыбке читалось извинение, словно понимал, что не должен быть здесь.

– Они разрешили тебе прийти сюда. Огромный успех. Может, скоро и у меня появится право голоса.

Лукас почесал затылок, затем провел ладонью по лицу.

– Блэйк никогда не был проблемой. Его не волнует ничего, кроме телефона и, может, Дженны. Алекс же, наоборот... у него небольшие проблемы с гневом.

– И не говори. – Я подмигнула и выглянула из-за двери, чтобы убедиться, что Уинслоу не сидит в засаде.

– У него свои причины, Инди. Дай ему шанс.

Шанс на что? Лучше не спрашивать.

– Мне не нравится, что со мной обращаются как с дерьмом.

– Никто не считает тебя дерьмом. Дело скорее во мне, а не в тебе.

Я оставила Лукаса у дверей, а сама упала на огромную кровать и натянула обувь. Пять минут спустя мы были на улице, ловили такси и направились в город. Лукаса не узнавали. Он просто барабанщик у певца, а не часть всем известной группы. Но с его темно-синими глазами, точеным лицом, в потертых джинсах и блейзере цвета горохового супа он все же выглядел рок-звездой. Его каштановые с рыжеватым отливом волосы топорщились в разные стороны, пусть и не такие взъерошенные, как у Алекса, но всем казалось, что у него только что был секс втроем. Мне хотелось спросить, как это у них получается. Как им всегда удается выглядеть, так, словно они только что вышли из рекламного ролика.

Несмотря на плохую погоду, центр Мельбурна кишел туристами и велосипедистами. Экипажи с парами и группки подростков заполнили улицы, наслаждаясь молодостью. Мы взяли испанских пончиков из тележки с едой и, усевшись на скамейку, наблюдали за прохожими. Лукас вдыхал аромат еды так, будто впервые ее видел. Я молчала, обдумывая последние несколько дней и чувствуя себя виноватой. Потому что сижу здесь, зная, что за тысячи миль отсюда мой брат с невесткой все еще еле-еле сводят концы с концами и считают коробки макарон с распродажи. Но все это изменится через полторы недели, когда я получу свой первый чек.

– Как тебе твоя новая работа? – задал вопрос Лукас, выкидывая наши бумажные тарелки в ближайшую мусорку.

Я пожала плечами, глядя, как подростки в шапочках целуются под фонарным столбом, стоя под морозящим дождем. Мне бы хотелось очутиться в их истории, а не в своей. Моя – полный отстой. К тому же мне хотелось переспать со злодеем, в то время как мой принц, Лукас, смотрел на меня так платонически, что я чувствовала себя не сексуальнее скатерти.

– У меня не так уж много дел. В основном просто надоедаю Алексу. – Я чуть не закусила нижнюю губу, но сдержалась.

Лукас покачал головой, глядя на меня, а не в толпу, словно прикидывая что-то.

– Поверь мне, нет. В смысле, может быть, но ему это нужно. Я знаю Алекса с тех пор, когда он был мальчуганом и жил в обычном доме в Уотфорде со своими родителями и сестрой. Он всегда был склонен к зависимостям. Не путай отсутствие наркотиков и алкоголя в его системе с трезвостью. Он все еще имеет пристрастие и поглощен обидой. Им движет ярость. Просто посмотри на то, как он говорит и реагирует на имя Фэллон.

Каждый раз, когда я слышала ее имя, мое сердцебиение замедлялось.

– Тяжелый разрыв? – спросила я. Я вынюхивала. Зачем мне это? Чем меньше я о нем знаю, тем лучше.

Люк поерзал на скамейке, облизал губы своим бархатным языком.

– Он же тебе не нравится, да, Инди?

Я закатила глаза.

– Ответь мне, – сказал он.

Я встала, желая чем-то занять ноги. *Тело*. Сейчас мне безумно хотелось загуглить эту чертову Фэллон и выяснить, что между ними произошло, но экран моего телефона разбит, а тот, что дала Дженна, заблокирован. К тому же разве умно подпитывать интерес к самой грандиозной ходячей катастрофе? Каким-то образом я должна была спасти его от самого себя.

– Определенно нет, – фыркнула я.

– Тогда зачем спрашиваешь? – голос Лукаса оставался спокойным, и я ослабила защиту.

– Потому что... – начала я. Барабанщик шел в ногу со мной по пути обратно в отель, который находился недалеко от того места, где мы сейчас находились. – Не могу поверить, что вы держите в тайне ее помолвку.

– Ради его же блага, уж поверь. – Он снова засунул руки в карманы. Его фирменная поза «хорошего мальчика».

– Думаю, он не согласился бы. – Меня слегка знобило. В Сиднее я купила куртку, но в Мельбурне было еще холоднее.

– Это сложно.

– Что сложно?

– Тема Фэллон. Это как Ближний Восток. Мне не следовало с тобой вообще об этом говорить, потому что, если честно, такое впечатление, что Алекс винит всех и каждого в их разрыве. Кроме себя, конечно.

Я повернулась к Лукасу, еще немного ускоряя шаг, чтобы согреться.

– Он винит тебя?

– И отчасти он прав.

– Почему?

– Почему люди творят глупости? – вздохнул Лукас, тряхнув головой. – Не важно.

Остаток пути мы прошли в молчании. Мое сердце сжалось. Колючая проволока обвилась вокруг него, и мне стало тяжело дышать. У Алекса было слабое место. Он как Хеллоуин: пугающий снаружи, но, когда присмотришься, можно разглядеть и что-то хорошее.

Наши пути с Лукасом разошлись в холле. Когда я вошла в комнату, первое, что я сделала – собрала волосы в высокий хвост и направилась на кухню, чтобы выпить стакан воды. Стоило мне повернуться, стакан выпал из рук еще до того, как я успела сделать глоток.

Алекс.

В моей комнате.

На моей кухне.

С голым торсом, в черных джинсах и грязных ботинках. Ох, и с гитарой. Если бы он мог закрепить ее на спине, то сделал бы это. Я уверена.

Хуже всего – он оставался без присмотра, следовательно, у него мог случиться рецидив.

– Где ты была? – прогремел Алекс. Он хоть и не кричал, но его голос словно обладал собственным телом и заполнил собой все пространство.

Я быстро взглянула на швейную машинку, нитки и ткань у окна и откашлялась.

– Ходила купить пластырь. Поранилась, пока шила. – Я не знала, что еще придумать. Может, потому, что боялась, что он выкинет меня из турне. Если так, все планы, которые я строила, можно будет смыть в унитаза.

Я знала, что Алекс не попросит показать ему пластырь. Парень был слишком сосредоточен на себе, чтобы услышать мои слова. Он просто чертов собственник. Я быстро сменила тему.

– Начнем с важного. Пожалуйста, скажи, что ты чист, – я постаралась говорить как можно спокойнее, учитывая, что сердце мое билось так быстро, что готово было выпрыгнуть на ковер. Что ж, роскошное ковровое покрытие тоже было красным, значит, не выставят счет за чистку.

– Чист, как дитя мормонов. – Он изобразил пальцами знак чести бойскаутов, а потом, улыбаясь, показал мне средний палец.

– А теперь к насущному вопросу – какого хрена ты здесь делаешь, Алекс? – Я опустилась на колени, собирая острые осколки.

Он все еще стоял там, как статуя, глядя на меня сверху вниз как на прислугу.

– В смысле, боже милостивый, ты не можешь вот так врываться без предупреждения... – бормотала я себе под нос, чувствуя, как краснеют уши.

Не смотри на него. Ты опять будешь глазеть на его хозяйство.

– В отеле, по каким-то непонятным причинам, сегодня не работает прачечная, а Блэйк слишком занят тем обстоятельством, что мой член приобрел большую известность, чем семейство Кардашьян. Мы называем скандал «Членогейт»¹⁸. У меня нет чистых футболок для завтрашнего шоу. – Он поднял кусочек черной ткани, зажатой в кулаке. Ха. Блэйк устранял шумиху, которую сам же устроил. Ирония не осталась незамеченной. Я повернулась к Алексу так, чтобы не замечать его груди. У него была самая яркая татушка, которую я когда-либо видела. Черный ворон, чьи поломанные крылья рассыпались на перышки и покрывали его ребра и спину. Символизируя темного, искалеченного ангела, которым он являлся. Я выбросила осколки в мусорку.

– У тебя разве нет рабочего персонала, который может этим заняться? В Сиднее, кажется, ты был окружен такими ребятами. – Я снова прикусила губу. Телефон вибрировал на кухонном уголке, где я его оставила. Я знала, что звонит Нэт. Она, скорее всего, проснулась и хотела

¹⁸ Игра слов, аллюзия на политический скандал в ходе президентской избирательной кампании в США в 1972 г., произошедший в отеле «Уотергейт».

узнать, как у меня дела. Меня бесило, что я ей не отвечаю, но она не должна знать, как мы тут мило беседуем. Нельзя предсказать, что вылетит изо рта этого человека.

– Есть. Мне не нравится с ними разговаривать, – ответил Алекс.

– Уверена, что и я не самый желанный собеседник.

– Ни хрена ты не знаешь. – Он постучал по носу и вскинул брови, словно делился ценнейшим, воодушевляющим советом. – А еще, кажется, ты попала в прачки к Алексу Уинслоу. Поздравляю и добро пожаловать.

– Можешь передать Алексу Уинслоу – о ком говоришь в третьем лице по непонятным мне причинам, – что стирать его белье в мои обязанности не входит. – Я скрылась в огромной ванной, выполненной в римском стиле, и вновь появилась с полотенцем, чтобы вытереть пол на кухне.

Алекс как будто прирос к одному месту. Я бы с удовольствием выкорчевала его голыми руками. Если бы он немного сдвинулся, я бы не задела его плечом, протискиваясь мимо. Но, конечно же, Алекс оставался неподвижен. Наши тела соприкоснулись. Я бросила полотенце на пол, не обращая внимания на раскаленные нервы в месте прикосновения, и стала носом ботинка возить полотенце по полу.

– Вообще-то входит, – сказал он, и в его голосе звучало что-то такое, чего раньше я не слышала. Он был нереальным. Театр одного актера даже за пределами сцены.

Я развернулась, не понимая, о чем это он.

– А?

– Прочитай свой контракт. Дженна дала Блэйку запасную копию, а мне было скучно – ну, знаешь, без Интернета, наркотиков, даже на Хадсона не покричишь. Там прописано, что ты должна помогать мне с любыми личными просьбами, если потребуется. – Он ухмыльнулся, наклонив голову. – Кажется, вы расстроены, мисс Беллами.

Мои глаза широко распахнулись, а внутри разгоралось пламя ненависти. Или это адреналин? Я точно не знала. Я встала напротив Алекса, схватила скомканную футболку и помачала ею перед ним.

– Если ты хочешь, чтобы я ее постирала, тебе придется пойти со мной и посмотреть, потому что в следующий раз будешь сам это делать. Второго раза не будет, Алекс. Я не твоя горничная.

– Хочешь, чтобы я пошел в прачечную? – его взгляд был бесценен. Будто я внезапно попросила его присоединиться к путешествию в открытый космос.

Я кивнула, кидая его грязную футболку в бумажный пакет, который остался после покупки куртки.

– Теперь пойдем к тебе в номер и соберем остальную одежду. Лучше управиться до того, как часы пробьют пять, и все смертные займутся стиркой после работы. Там может стать очень тесно.

Уж я-то знала. У нас не было стиральной машинки дома.

– Я не могу покидать отель, маленький псих. – Он хихикнул – хихикнул! – преграждая мне путь. Его плечи были широкими и мускулистыми. И все же я была достаточно маленькой, чтобы протиснуться в щель между его бедром и дверным проемом, направляясь к его двери.

– Можешь и покинешь.

– Вот говно, да ты ненормальная. Дженна хорошо тебя проверила? Оценка психики, личности и все в этом духе?

Господи, дай мне сил.

– Оставь свои шутки для тех, кому они нравятся, Уинслоу. Ты идешь со мной.

– Вдруг меня будут помогать? – сказал он мне вслед и рассмеялся.

Самое отвратительное, что он был так тщеславен, что мог в это поверить. Я толкнула дверь в его номер и стала собирать разбросанную одежду с бильярдного стола, кухонного стола

и тумбы для телевизора. С лампы свисали боксеры. Хотелось бы мне взять с него дополнительную плату за то, что приходится снимать их оттуда.

– У меня в сумочке перцовый баллончик, а еще я немного занималась Крав-Магой¹⁹ в прошлой году. Вдвоем мы сможем отбиться от тринадцатилетних девчонок с сомнительным музыкальным вкусом, ведь они покупают твою музыку, – сострила я. Это было нечестно и не являлось правдой. Алекс Уинслоу слыл не только лучшим исполнителем со времен Дилана, Спрингстин и Джаггера, но он, один из немногих артистов, пытался с каждой новой песней привнести в мир что-то новенькое.

– Погоди, – нахмурившись, Алекс уперся руками о дверной косяк. – Ты считаешь мою музыку отстойной?

Я бросила на него быстрый взгляд. Сегодня он был другим... светлее. По крайней мере, он старался не быть таким ушлепком, каким его представляли друзья. Мне стало любопытно, может, он такой на самом деле, просто прячет эту свою сторону от меня, чтобы заставить уйти. Этот настоящий Алекс был милым. И забавным. Какие бы ни были мотивы, мне все равно. Я жаждала перемирия, зная, что это сделает мою работу гораздо приятнее и устранил некоторое сексуальное напряжение, от чего волосы на моих руках вставали дыбом каждый раз, когда его каре-зеленые глаза сосредотачивались на мне.

– Думаю, твоя музыка великолепна, – тихо призналась я.

Впервые он улыбнулся искренне, и, боже, я не была готова. Уголки его губ поднялись вверх, как у Марлона Брандо в фильме «Трамвай «Желание»²⁰. Острые, как гвозди, но потрясающе красивые – самым нежным образом. Как мне дожить до конца этого турне? Я сглотнула, скинула остальные вещи в еще две сумки и выбежала из его номера. Мне показалось, я слышала смех позади себя, но не обернулась, чтобы проверить.

– О боже, твое падение будет впечатляющим, – на этот раз я *точно* расслышала его слова.

Учитывая, что Алекс сказал два дня назад, что собирается переспать со мной, я точно знала, что он имел в виду. Мне нужно было поставить парня на место. Его подкол в мою сторону попал в цель, потому что оказался правдой. Если так будет продолжаться, то он добьется своего. Несмотря на то, что до потери пульса любит другую.

Плюс ко всему – он рок-звезда.

И он мой босс.

К тому же он козел.

И вдобавок через три месяца наши пути разойдутся.

У меня была масса причин держаться от него на максимальном расстоянии, которое позволяет моя работа.

В лифте мы ехали молча.

Выход из отеля напоминал мучительную прелюдию.

Затем свежий воздух наполнил легкие, и я поняла, как разобраться с его подкатом.

– Мне нравится Лукас, – сказала я, открывая дверь в прачечную.

Маска Алекса слетела уже во второй раз за день. Я поняла это, даже не оборачиваясь.

Дверь позади нас закрылась, и я вздрогнула, не отводя взгляда от стиральных машин.

– Не стоило этого говорить, дорогуша. Вызов принят, и у тебя неприятности. Такие, из которых твоя невинная попка не выберется.

¹⁹ Военная система рукопашного боя, разработанная в Израиле.

²⁰ Художественный драматический фильм 1951 года, снятый режиссером Элиа Казаном по одноименной пьесе драматурга Теннесси Уильямса.

Глава седьмая

Алекс

– Ого! Ты такой самовлюбленный! – Инди болтала в воздухе своими загорелыми ногами, сидя на стиральной машинке с приклеенной на нее табличкой «Сломано» и глядя на ту, в которую она запихнула мою одежду. Инди засунула руки под бедра. Глаза цвета индиго смотрели на черную ткань, медленно крутившуюся в круглом окошке. Я рассматривал ее. Черты лица были спокойными и приятными, как у Эммы Уотсон. Ее загар, как я решил, стал следствием образа жизни в Лос-Анджелесе. Я представлял, как она катается по городу на велосипеде в коротком платье, волосы развеваются на ветру. Игнорируя свою слабую эрекцию, я пошел ей навстречу.

– Ага, потому что люди хотят в меня влюбляться. – Я вынул сигарету из-за уха и покрутил ее между пальцев. Мне нужно закурить. А еще мне нужно преодолеть внезапное влечение к мисс Беллами. Я трахну ее, чтобы отомстить Лукасу. На пятьдесят процентов мой интерес к ней возникал потому, что она была единственной девушкой в турне. Оставшиеся проценты – ее желание трахнуть Лукаса. Хотя «трахнуть» не совсем подходящее слово. Стардаст относилась к тем пташкам, которые любят кино и мороженое.

Стардаст? Стардаст. Че за фигня?

На мне была кепка от Burberry, которую Крис, мой друг детства, подарил мне в ту же ночь, когда я выиграл свои первые четыре «Грэмми». Никто меня не узнавал, но я чувствовал себя все таким же незащищенным.

– Ты правда веришь в то, что говоришь? – спросила она, потянувшись к резинке, которой были забраны в хвост ее голубые волосы. Ее внешность менялась в моих глазах каждый день. Ее обалденные платья а-ля Старый Голливуд интриговали. Ее пухлые губы и маленький рот, несомненно, выглядели сексуально. И мне чертовски нравилось, что она вела себя так, словно не я тут всем заправляю.

– Целиком и полностью. – Я оперся бедром на машинку, на которой она сидела, рассматривая ее лицо. – Будешь смотреть перед завтрашним концертом на мой член?

– Если тебе нужно будет в туалет, то не исключено.

– Тогда мне нужно будет в туалет, – сказал я, мысленно делая заметку, чтобы завтра сходить в уборную.

Она закатила глаза, но улыбнулась. Я придвинулся немного ближе к ней. Народу становилось больше, что не очень меня радовало.

– Что там обсуждают в новостях касательно моего члена? Стоит ли поискать ему агента? Кажется, Дженна занята своими преуспевающими клиентами. Может, поискать кого-то, кто сможет раздуть эту историю. – В каждом слове – сексуальный подтекст.

– Экран телефона сломан, ноута у меня нет. Даже если бы у меня был Интернет, твой пенис стал бы одним из последних запросов в Google. Даже после вопроса: «Как бы выглядело кресло, если бы колени сгибались в другую сторону?»

Пенис. Она опять сказала «пенис». Сколько ей лет?

Я одарил ее странным взглядом, потому что она необычная девушка.

Инди пояснила:

– Такое мелькает в поисковой строке Google, хочешь – верь, хочешь – нет.

Покачивая головой, я перешел к более разумной теме.

– Есть что-то, о чем мне нужно знать? – Я не сидел в социальных сетях. У меня миллионы подписчиков в «Инстаграм» и «Твиттере», и Блэйк иногда выкладывал фото с концертов или из студии, чтобы интерес к группе не угасал. Кроме этого, люди знали, что я не веду образ жизни

знаменитости. В моем представлении сидеть в социальных сетях – значит лизать собственные яйца.

Посмотрите на меня.

Проверьте мои новости.

Обратите на меня внимание.

Послушайте, что я могу сказать о политике / глобальном потеплении / предложите любую другую тему, в которой я вообще ничего не смыслю.

Не-а. Это не для меня. Поэтому, когда Блэйк сказал не выходить в Интернет, я даже возмущаться не стал. Инди – думаю, она уже не Новенькая – провела руками по лицу, прежде чем впиться зубами в нижнюю губу. Так я понял, что она нервничала.

– У меня нет выхода в Интернет, помнишь? – Она спрыгнула с машинки как раз в тот момент, когда вторая загудела. Она запихнула мою сырую одежду в сушилку и нажала на кнопки, объясняя что-то. Но я даже не слушал ее, не говоря уже о попытке запомнить. Мой взгляд сосредоточился на ее попке под платьем в цветочек, которое слегка приподнялось на бедрах, когда Инди наклонилась. Жаль, но ее трусики я не увидел.

– ...удостоверься, что ты отделил белое от остальной одежды. Обычно я стираю полотенца отдельно, потому что они тяжелее, хотя, подозреваю, в отеле их полно, так что...

Она суежилась. Постоянно. И говорила. Много. Было очевидно, что она не флиртует со мной, и хотя бы только поэтому мне еще сильнее захотелось трахнуть объект страсти Лукаса. Положив мою одежду в сушилку и запустив машину, Инди повернулась ко мне и подмигнула.

– Думаю, у нас есть свободный час.

Час. За час я мог бы сделать многое. Для начала мог бы поспать, чего я не делал уже несколько ночей, поскольку сочинял. Или посмотреть бессмысленные передачи по телику. Послушать музыку. Или написать ее. Поиграть. Потрахать. Или я мог бы поступить благородно и угостить свою новенькую няньку кофе, чтобы узнать ее получше. Нет. Водить ее куда-либо я не собирался. Просто попробую залезть к ней в трусики.

Мы провели час, пялясь на сушилку. Было скучно, но не так, как с Блэйком, который кричал на моих адвокатов по телефону, чтобы они разослали различным таблоидам письма с требованием прекратить нарушать права правообладателя. Инди вновь обратилась ко мне, когда мы вернулись из прачечной.

– Итак, ты ничего не усвоил за то время, что мы провели в прачечной, да? – спросила она, когда мы стояли перед нашими дверями.

Я вскинул брови, держа в руках гору одежды, уложенную в три сумки. От веса вены на мышцах вздулись. Она посмотрела. И сглотнула. Отвела взгляд, как все порядочные девушки до того, как я трахал их, оставляя разбитыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.